

НАТАЛЬЯ
АНДРЕЕВА

НИТЬ
АРИАДНЫ

Наталья Андреева

Нить Ариадны

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Нить Ариадны / Н. В. Андреева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-17-119158-0

Арина Петухова внезапно становится богатой наследницей. Ее мать, известная писательница Марина Минина, покончила жизнь самоубийством после того, как при загадочных обстоятельствах погиб ее возлюбленный. Буквально накануне свадьбы. Но порадоваться богатству Арина не успевает, потому что и на нее саму начинается охота. В лобовое стекло летит камень, на переходе Арину едва не сбивает машина... Начинается борьба за жизнь и одновременно борьба с собой. Потому что прошлое таит столько загадок, что расставить все по местам непросто. Успешные люди добровольно не уходят из жизни без веской причины. Захочет ли героиня ее узнать?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119158-0

© Андреева Н. В., 2020
© Автор, 2020

Наталья Андреева

Нить Ариадны

Жил-был на свете кукольных дел мастер, он держал магазин игрушек, которые никто не покупал. Кукольник все никак не мог расплатиться с долгами. Он начал подолгу болеть, чахнуть от тоски и от зависти к другим, более удачливым кукольникам, просто-таки купавшимся в золоте, его семья голодала, дети не хотели ходить в школу, потому что ровесники над ними смеялись, а порою откровенно издевались. Ведь отпрыски вконец обнищавшего мастера носили заштопанную одежду, из которой давно уже выросли, и не могли купить себе даже маленькой шоколадки, у них совсем не было денег. Жена бедного кукольника постоянно жаловалась на жизнь и ночами горько плакала, квартирная хозяйка грозилась выгнать. И тогда отчаявшийся мастер стал продавать свои куклы дьяволу...

– Слава Богу!

Передо мной висели ноги. Женские ноги, на тощей щиколотке правой болтался золотой браслет с пятью брелками. Машинально я их пересчитала, чтобы уж наверняка убедиться: мертва. Штанины задрались, пятки у носков были грязные, из дырки на правом торчал большой палец с желтым ногтем. Веревку покойница перекинула через перила, на высоте второго этажа, поэтому я видела только ноги. Они болтались как раз на уровне моих глаз, и я подумала: «Слава Богу!»

Это была моя мать. Недавно она сняла с ногтей на ногах бордовый лак, я помню, как нашла на полу ее спальни испачканный ватный диск. Кто делал педикюр, знает, что ногти от яркого лака желтеют. Я вспомнила об этом, как только увидела болтающиеся передо мной ноги. «Слава Богу!»

Все остальные мысли были правильные: «Боже, какое несчастье!», «Моя милая мамочка, как я теперь без тебя?», «Какое ужасное горе!», «Какая утрата!», ну и так далее. Вы все их прекрасно знаете, эти мысли, на похоронах именно так и говорят. Вслух.

Но самая первая мысль всегда дрянная, и ее не озвучивают. Почему-то дрянь вылезает из нас первой, и она – правда. Я не люблю людей, которые делают паузы перед тем, как что-то сказать. Чем больше пауза, тем меньше я доверяю человеку. Это означает, что он высказывает не вторую мысль и даже не третью. Он тщательно перебирает эти мысли, выискивая самую-присамую правильную. Это люди успешные, всеми уважаемые, они прекрасно устраиваются в жизни благодаря тому, что умеют манипулировать другими людьми, но они все равно самые плохие на свете люди. Для меня. Потому что я говорю первое, что придет в голову. Попробуйте угадать, сколько у меня друзей? Правильно: ни одного.

Я почти не делаю пауз, вот в чем беда. Наверное, поэтому на меня все смотрят как на сумасшедшую. Сотрудник милиции (или уже полиции) так просто открыл рот, когда я сказала:

– Мне теперь достанется огромное наследство.

Он ожидал, что я буду рыдать, биться головой о стену, рассказывать о том, как горячо любила свою мамочку. Все делают именно так, когда в их доме находят криминальный труп близкого родственника. Когда родственник был богат, делают это с удвоенной энергией. Я действительно любила свою мать. Я любила ее так сильно, что подумала «Слава Богу», когда она умерла. И я сразу сказала про наследство, потому что это была вторая мысль, которая пришла мне в голову. И очень правильная мысль: я теперь богата.

– Она не оставила предсмертной записки?

Он поставил в конце фразы жирный вопросительный знак.

– А зачем? – удивилась я. Мой вопросительный знак, легкий, как облачко, повис в воздухе. Меж тем фраза прозвучала без паузы: вопрос – ответ. Не было ни малейшего зазора, в

который могла бы просочиться какая-нибудь правильная мысль. Я вовсе не собиралась выкручиваться.

– Самоубийцы, как правило, оставляют предсмертные записки.

– Ее любимой книгой были «Бесы» Достоевского. Если вы ее прочитаете, то поймете, что мама и не могла оставить никакой записки.

– Это шутка? – разозлился мент.

Я интеллигентка в третьем поколении, что подтверждается моим дипломом о высшем образовании и дипломами о высшем образовании моих предков, но уж простите великодушно, буду называть его именно так. Он мент. Он ходит, как мент, говорит, как мент, и даже дышит, как мент. И злится он, как мент: его злость кому-то может обойтись в тюремный срок. Мне бы надо сделать паузу, но я, как обычно, ляпнула:

– Вы не умеете читать? Ой, простите. – Я сообразила, что здорово обидела его. Взглядом мне было обещано лет десять за решеткой, и если я буду продолжать в том же духе, срок будет только увеличиваться. Каждое мое слово тянет на год, не меньше. Черт возьми! Все-таки надо делать паузы!

– Читать? У меня на это нет времени, – буркнул мент.

– Тогда вы не знаете, кем была моя мать, – сказала я печально. Как же долго мне придется ему объяснять!

– И кто? – подозрительно посмотрел на меня он.

– Писательница.

– А что она писала?

– Триллеры.

Он хмыкнул.

– Как эта ...? Донская?

Даже фамилию, которая была у всех на слуху, он произнес неправильно. Совсем ничего не читает, бедняга. И смотрит только НТВ, а на других каналах – криминальные новости. Трудно иметь дело с людьми, у которых в голове всего одна извилина и которые абсолютно уверены в том, что головы других людей устроены точно так же. Что есть единственная извилина, причем обязательная. Если ее нет у другого, этот другой что-то типа хромого щенка из принесенного бродячей собакой потомства, и дефективного следует утопить первым. Со всеми остальными, здоровыми, пока не понятно. А этого топить однозначно.

«Тапки-моего-размера-подходят-абсолютно-всем». Вот что я прочитала в его глазах и приуныла. Мы с ним не найдем общий язык. Никогда.

– Триллеры – это немного не то, – промямлила я, почувствовав, что сейчас захлебнусь. Я тот самый щенок. Хромой на все четыре ноги, а главное, на голову. – Мама писала про маньяков.

– Марина Минина, – прочитал он вслух, заглянув в паспорт моей матери. – Не знаю такую.

– Вам достаточно зайти в любой книжный магазин...

– У меня на это нет времени. Ну, что там, Коля? – крикнул он.

Тут я заметила, что дом полон людей. Кажется, они все пытались доказать, что я убила свою мать. Из-за наследства. Я поняла это по тому, какие долгие они делали паузы перед тем, как что-то мне сказать. Они буквально подталкивали меня к этой мысли: ты убила свою мать. Я чуть было в это не поверила.

– Следов насильственной смерти не обнаружено, – и Коля выразительно посмотрел на меня. Он слегка запыхался, пока бежал по лестнице.

– Она перелезла через перила на высоте второго этажа с накинутой на шею веревкой, – сказал мент и тоже посмотрел на меня.

– Да, она была в хорошей физической форме, – кивнула я.

– А предсмертной записки не оставила.

Мне надоело ему объяснять. Теперь я просто молчала.

– Иди, Николай. Работайте дальше, – милостивым кивком отпустили вздохмаченного парня, а когда я попыталась пойти следом, мент рявкнул:

– Сидеть!

Я села. Печально отметила, что у него красивые глаза, и не будь он ментом, он был бы интересным мужчиной. И нравился бы женщинам. Но как он мог нравиться, если был ментом? Страх в человеке, и в женщине тоже, первичен. Она либо боится, либо любит. Вы можете это оспорить, как и любое мое умозаключение. Но все же дочитайте до конца. И вам придется признать мою правоту.

– Продолжаем беседу, – раздалось над ухом. Он встал, чтобы напугать меня еще сильнее, и навис надо мной, как гора. Я почувствовала ледяной холод, исходящий от каменного ментовского сердца.

– Я готова.

Мой голос был похож на мышинный писк. Хотя нет. Я не мышонок, я щенок. Топите меня, топите!

– Ваша мать когда-нибудь говорила о том, что собирается покончить жизнь самоубийством?

– Последние двадцать лет – каждый день. Каждый раз, как я ее видела, – тут же поправилась я. Это было справедливо по отношению к матери. Мы виделись примерно раз в неделю с тех пор, как я вышла замуж. А замуж я вышла пятнадцать лет назад. Кстати, моя мать вышла замуж в том же возрасте. А в двадцать один уже родила меня. – Да, мне тридцать четыре года, – сказала я, потому что он открыл и мой паспорт. Ну вот, с цифирью покончено. Я во всем люблю точность, и доказательства теоремы выдаю залпом. Но для верности (ведь он мент) повторила: – Мне тридцать четыре.

– А выглядите моложе.

Я вспыхнула. Ненавижу, когда мне говорят комплименты! Я слишком богата, чтобы верить в их искренность!

– У вашей матери что, были проблемы?

– Никаких, – заверила я.

– Я имею в виду, проблемы с деньгами.

– У нее на счетах миллионы, – с гордостью за мать сказала я.

– Мужчины?

– О! Они ее обожали! Мама была красавицей!

– Ваш отец... Э-э-э...

– Они официально развелись лет пять назад.

– Причина?

– По взаимному согласию.

– Я понимаю, но причина?

– А какая должна быть причина, чтобы люди развелись? – удивилась я. – Если я вдруг задумаю развестись со своим мужем, я сделаю это без всякой причины. И он меня поймет.

– Вы странная женщина, Ариадна Витальевна.

– Вот когда вы так говорите: Ариадна Витальевна, можно и в самом деле подумать, что перед вами сидит чудовище. Поэтому я Арина. Арина Петухова. Это вполне гармонично звучит, и я с этим именем чувствую себя комфортно.

– А могло быть по-другому?

Оказывается, он не так безнадежен. И не совсем уж мент. У него есть чувство юмора.

– Могло! И на этом настаивала мама. На том, чтобы у меня в паспорте было записано «Ариадна Минина».

– А ведь красиво!

– Я собираюсь поменять паспорт с тех самых пор, как мне его впервые вручили. Чтобы там было написано «Арина», не «Ариадна». И теперь, когда мамы нет, я обязательно это сделаю!

– Вы что, не ладили со своей матерью?

– Да, мы не ладили.

По его взгляду я поняла, что лезу в петлю. Мои босые ноги скоро повиснут на высоте второго этажа. В отличие от мамы, на мне нет носков. А в носках, следовательно, нет дырок. И я не крашу ногти бордовым лаком, когда делаю педикюр. Мне точно конец.

– Давайте попробуем еще раз, – вздохнул он. – У вашей матери было полно денег, у нее были любовники, с которыми она, по вашим же словам, не испытывала никаких проблем... А со здоровьем? – ухватился мент за соломинку. Вот так всегда: стоит мужчине узнать меня поближе, он тут же кидается мне помогать! – Со здоровьем были проблемы?

– Вы же видите, что она перелезла через перила на высоте второго этажа. Моей матери было пятьдесят пять, но ее гибкости позавидовала бы двадцатилетняя девушка. Она легко садилась на продольный шпагат, – с гордостью сказала я.

– Быть может, тайная болезнь? Неизлечимая, а? К примеру, рак.

– Рак что, неизлечим? – в который уже раз удивилась я.

– Если на четвертой стадии...

– У нее не было даже первой. Повторяю: моя мать была здорова.

– Почему же она двадцать лет хотела покончить с собой? Была же какая-то причина?

– Вы бы прожили с ней эти двадцать лет! – сказала я со злостью. – Утром еще было терпимо, но как только солнце клонилось к закату, наш дом превращался в ад. В один из его филиалов. Она так и назвала свой лучший роман: «Филиал ада № 5».

– Почему пять?

– Потому что до этого были еще четыре книги. Таких же ужасных.

– Постойте... – он наморщил лоб. – Я что-то слышал.

– Кино смотрели, – вздохнула я. – И не спрашивайте меня, как мне фильм. Я его ненавижу!

– Вас трудно допрашивать, – эхом вздохнул он. – Вы сами задаете вопросы и сами же на них отвечаете. Значит, ваша мать двадцать лет хотела повеситься, но сделала это только сейчас...

– О нет! Она хотела отравиться! Ящик ее письменного стола был забит сильнейшими транквилизаторами и антидепрессантами! Этого хватило бы, чтобы убить слона!

– Стоп! Она что, лечилась от депрессии?! Так бы сразу и сказали, что у нее была депрессия!

– У нее не было депрессии, но она всячески уверяла в этом психиатров. Ей достаточно было пяти минут, чтобы получить у любого из них, даже у того, который видел ее впервые в жизни, рецепт на сильнейшее успокоительное. Это была такая игра.

– Игра?

– Ну да. Она получала рецепт, тут же шла с ним в аптеку, покупала по нему лекарство и клала его в ящик своего письменного стола. Каждый вечер она выдвигала этот ящик со словами: «Вот видите? Я готовлюсь!» Это относилось к нам с папой.

– А вы что?

– Сначала выбрасывали эту дрянь. Но она тут же доставала новую. В конце концов мы с папой поняли, что это бесполезно. Я вышла замуж, он удрал на съемную квартиру, а мама продолжала набивать ящик своего письменного стола наркотиками. Не знаю, кому она их потом показывала со словами «Я готовлюсь». Вряд ли своим любовникам.

– Она прочно сидела на антидепрессантах?

- Она их вообще не пила.
 - Я уже ничего не понимаю! – взмолился мент.
 - Вот. А мы в этом дурдоме жили!
 - Послушайте, – сказал он, глянув на часы. – Расскажите-ка мне все с самого начала. У меня еще есть часа два, пока здесь работает опергруппа.
 - Два часа?! – я расхохоталась.
 - Что, мало?
 - И мало, и ... много. В принципе, все это укладывается в одну только сказку, не очень уж длинную. Ее рассказывал своим детям Карл Маркс...
 - Кто?!
- Мент был в ужасе, я поняла это по его глазам. Все-таки надо иногда читать книги.
- Карл Маркс. Вас удивляет, что он писал сказки? Правильно, он их и не писал, но любил рассказывать детям одну придуманную им сказку. И сказка эта была страшной. Но моя мама его переплюнула. Она рассказывала эту сказку еще страшнее.

Жил-был кукольных дел мастер, он держал магазин игрушек, которые никто не покупал. Несчастный кукольник все никак не мог расплатиться с долгами. Он начал подолгу болеть, чахнуть от тоски и от зависти к другим, более удачливым кукольникам, которые купались в золоте, его семья голодала, дети не хотели ходить в школу, потому что ровесники над ними смеялись... И тогда отчаявшийся мастер стал продавать свои куклы дьяволу...

Да, пару слов обо мне, прежде чем мы приступим к делу. К делу о смерти Марины Мининой. Всего пару слов.

Ариадна Витальевна Петухова

Краткая автобиография

Моя мать хотела, чтобы я пошла по ее стопам: стала писательницей. Это заветное, почти все родители хотят, чтобы дети пошли по их стопам. Люди, которые неплохо устроились в жизни, уж точно хотят, а моя мать устроилась очень неплохо.

Что касается меня, я меньше всего на свете хотела бы стать писательницей, и это одна из причин нашего постоянного конфликта. Мама любила повторять, что автобиография – последняя книга в жизни автора. Это означает, что у него нет фантазии и больше он вряд ли что-то напишет. Поэтому, когда она велела мне написать книгу, я написала автобиографию. Мама разоралась, но зато отстала. Сейчас мне это пригодилось. От меня потребовали объяснительную записку, и я полезла в компьютер, чтобы распечатать свои дневниковые заметки. Я никогда не повторяюсь. Второй раз мне правду не написать. То есть, я не смогу выдать ни строчки и наверняка сяду в тюрьму. Хорошо, что мама меня к этому подготовила! Не к тюрьме, конечно, а к тому, что мне придется объяснять, почему Марина Минина покончила с собой. Как это было мудро с ее стороны, всю жизнь готовить меня к худшему!

Итак, по паспорту я Ариадна Витальевна Петухова, хотя надеюсь вскоре стать Ариной.

Сейчас мне тридцать четыре, я замужем, детей нет. Я не работаю. Чем же я тогда занимаюсь? Да ничем! Спасая от себя человечество. Благородная миссия, между прочим. Представьте себе на минуту, что рядом с вами работает этакое чудо: Ариадна Петухова. Те десять-пятнадцать человек, которые вынуждены будут ежедневно общаться со мной по работе, начнут приходить вечерами домой в состоянии стресса. Угадайте, сколько они протянут? Думаю, я развалю любую фирму месяца за два, максимум за три. Превращу цветущий офисный оазис в безлюдную пустыню. Я ведь не делаю паузы перед тем, как что-нибудь ляпнуть. Говорю первое,

что придет в голову. А кому нужна правда? Да никому, поэтому стремление всегда говорить правду и только правду еще называют цинизмом. Бесцеремонностью. Бестактностью. Гордыней. О! Там много чего! Масса нелицеприятных эпитетов, и все они очень точно характеризуют мое поведение в обществе. Я прекрасно это понимаю, потому и не работаю. Спасая от себя человечество.

Мужчины. Скажу коротко: я их боюсь. Как только со мной заговаривает мужчина, я холодею, цепенею и начинаю мучительно думать: что ему от меня надо? Поскольку у меня много чего есть, каждый мужчина мною воспринимается как грабитель. И я веду себя как потенциальная жертва, то есть спасаюсь бегством. Как же я вышла замуж? А он не мужчина. Он мое ВСЕ. Разве у ВСЕ есть пол? Какой это род, мужской или женский? Это ВСЕ, и точка. Его зовут Заяц Петь. Что тут странного? Я Ариадна Петухова, а он Заяц Петь. Имя Заяц, фамилия Петь. От «Петухов» по паспорту. Какие у нас отношения? Они выражаются одной фразой: он меня не любит. Я не верю в то, что меня можно любить, и точка.

Дети. У меня их нет. Вы спросите: почему? Но мы же не спрашиваем людей, почему у них есть дети? Есть, и все. Почему же спрашиваем, когда их нет? Если не спрашиваем, то это первое, что приходит в голову при знакомстве с глубоко замужней женщиной тридцати четырех лет: почему у нее нет детей? Это болезнь или...? В общем, «какая жалость» или «ну и дура же ты, милая». Я это знаю, потому всегда отвечаю, не дожидаясь вопроса или злосчастной паузы, которая иногда сильно затягивается:

– У меня нет детей. Мы с мужем решили не торопиться и пожить немного для себя.

Это фраза, которая абсолютно всех устраивает. Чего мне стоило научиться произносить ее без запинки и без пауз! Сейчас такое время, что женщины не торопятся рожать, мы все больше приближаемся к европейским стандартам. Одна моя знакомая, которая часто бывает в Германии и просто ее боготворит, утверждает, что это самый нормальный подход к рождению детей: ближе к сорока. Так что я абсолютно нормальна. Более того: я – европейский стандарт! Есть чем гордиться!

Меня назвали Ариадной. Мама назвала, папа, разумеется, был против. В самом деле, какой мужчина, будучи в здравом уме и твердой памяти, захочет назвать единственную дочь Ариадной? Если только неисправимый романтик, но мой отец таковым не был. Инженер по образованию, хороший семьянин по призванию, он весь был сплошная проза и от жены хотел не сонетов на завтрак, а яичницу с беконом или на худой конец омлет. Я знаю, что он просил назвать меня Надеждой. Но моя мать, которая, едва выучив первые две буквы в алфавите, твердо решила что а) станет великой поэтессой и б) на детском утреннике непременно будет в костюме Снежинки, не знала компромиссов. Не Надежда, мой компас земной, а именно Ариадна – путеводная нить. Мама свято верила, что с таким именем я приведу ее к мечте, то есть к славе. Ариадной, кстати, звали и дочь поэтессы Марины Цветаевой. Для моей мамы, тоже Марины и тоже, к своему несчастью, пишущей стихи, это был весомый аргумент. Но бомба не падает в одну воронку дважды, никто не уважает клонов. Две поэтессы Марины, обе такие красивые и имеющие по дочери Ариадне, никому не нужны. Мама, сама того не подозревая, сделала роковую ошибку, поэтому ее мечта сбылась ровно наполовину: на детском утреннике мамочка была в костюме Снежинки, но тогда меня еще на свете не было. Ариадной-путеводной-нитью я стала, когда Мариночка Минина пыталась поступить в Литинститут. На этом мечта закончилась, и началась проза жизни. Марина Минина не стала великой поэтессой. Она стала продавать свои куклы дьяволу...

– Что ж, Ариадна Витальевна, – сурово сказал мент, закрывая папку с моими показаниями. – Следов насильственной смерти не обнаружено... Кстати, когда вы приехали, дом был заперт изнутри или открыт?

Я чутко уловила паузу. Это была ловушка. Он ведь меня уже об этом спрашивал!

– Разумеется, у меня есть ключи. Но дверь была открыта.

– Кроме вас у кого-нибудь еще есть ключи?

– А какое это имеет значение, если дверь была открыта? – искренне удивилась я.

– Сейчас, возможно, не имеет, – всерьез разозлился он, – потому что следов насильственной смерти не обнаружено. Но после того, как сделают вскрытие, мне, возможно, придется допросить вас еще раз.

Я прекрасно знала, что мы увидимся снова. Я бы и сегодня ему все рассказала, честное слово! Но он ведь так занят. Вполне возможно, что сегодня еще кто-то повесился. Или утопился. Мир так ужасен, что у него, у мента, много работы. Я не смела больше отнимать у него время, поэтому промолчала. У меня-то, в отличие от него, полно свободного времени. То есть, все мое время свободно. И я готова вновь встретиться с дознавателем, вне зависимости от результатов вскрытия. Потому что есть повод.

До того, как здесь сегодня повесилась моя мать, в этом доме случилось еще кое-что. И тоже из разряда криминала. О! Это очень длинная история! Или очень короткая, всего в одну сказку. Эта сказка с плохим концом, такие не рассказывают детям на ночь. Но сказки для взрослых почти всегда заканчиваются плохо.

– До встречи, Ариадна Витальевна!

– До встречи, – легко согласилась я.

– На всякий случай: меня зовут Павел... – он сделал крохотную паузу, из чего я поняла, что со мной хотят познакомиться поближе. – Юрьевич.

Боясь мужчин, я изучила их досконально. По величине паузы, которую они делают, представляясь, можно судить о степени их интереса: легкий флирт или приглашение на ужин. Это надо пресекать сразу:

– Очень приятно: Ариадна Витальевна.

– Ну, знаете! – его лицо пошло пятнами.

– Я знаю. Не надо так волноваться, Павел Юрьевич. – Я сразу взяла дистанцию: не сделала паузы между «Павел» и «Юрьевич», как он того хотел. Ни малейшей. – Вы хотите любыми способами доказать, что я убила свою мать, а я этого не делала, но доказывать ничего не собираюсь. Почему правда нуждается в доказательствах, а ложь нет? Лжи почему-то все и так верят. Можете объяснить почему?

– Я не собираюсь вам ничего объяснять! – рявкнул он. – Если вы еще не поняли: вас допрашивают!

– Тогда это надолго, – печально вздохнула я.

Мне было его жаль, честное слово. Хромой щенок стоял у ведра с водой и с жалостью смотрел на мучителя, который его утопит.

Как меня пытались поймать на вранье

Сразу скажу: занятие это бесполезное. Врать я не умею и даже не пытаюсь этого делать. Но все давно уже уверены, что правду не говорит никто, никогда и нигде, поэтому и меня подозревают бог знает в чем. В глупости, высокомерии, цинизме... Я уже перечисляла, смотри выше.

Я их прощаю. Люди, слышите? Я вас прощаю! Вы в этом не виноваты! Что вообще взять с людей, которые ежедневно видят рекламу? Если не видят, то слышат. Если не слышат, то она дышит им в спину, настырно лезет в их мобильные телефоны, в электронную почту, в общий, в мозг. Она вся – сплошная ложь. Люди не виноваты, что заодно с ней подозревают во лжи вся и всех. Они ведутся на рекламу, а потом плюются от омерзения. И опять ведутся. И вновь плюются. И опять... Есть ли этому конец? Время покажет, но пока отчего-то не показывает. Это норма жизни: подозрительность.

А у мента еще и работа такая. Еще и повод есть! Поэтому он вцепился в меня намертво. Во-первых, сказал:

– Вы меня обманули, Ариадна Витальевна.

– ...?

– Воспользовались тем, что я здесь недавно и еще не вошел в курс дела. – Должно быть, его предшественника уволили за взятки. Или даже сел. – У вашей матери, оказывается, был повод, чтобы покончить с собой!

– А я разве говорила, что нет?

– Вы говорили, что у нее не было проблем с мужчинами.

– А разве были?

– Как вы тогда объясните, что пару месяцев назад, в начале мая, умер ее любовник? Умер при весьма загадочных обстоятельствах.

Я сразу поняла этот взгляд: готовь деньги. Моя мать очень ловко умела это устраивать, а я не умею совсем. Но, видимо, придется научиться.

– Это не были загадочные обстоятельства.

– А что же тогда это было?

Я пожала плечами:

– Он умер, и все. Согласна, что смерть сама по себе загадочна. Но только не обстоятельства. Моя мать все-таки была писательницей. Слова «загадочно» и «обстоятельства», как она бы сказала, из разных весовых категорий.

– У нас допрос, а не урок литературы!

– Извините.

– Тогда я, с вашего позволения, продолжу?

– Конечно!

– В деле записано, – он открыл папку. – Неудачно упал на садовый нож.

Я вздохнула и спросила:

– Сколько?

– Вы что себе позволяете?!!

Он вскочил и забегал по кабинету. Я молчала. Я сказала то, что он подумал, но он почему-то начал кричать, бегать по кабинету, грозить мне статьей УК. Я прекрасно знала, чем все это закончится: он возьмет деньги. Для этого все здесь так и устроено. И вообще в нашей стране. Все вопят о коррупции, о том, что надо за это сажать, только других. Сами же преспокойно берут взятки. Чем больше кричат, тем больше берут. Я не наивная девочка, два месяца назад мы это уже проходили.

Теперь умерла моя мать. Разумеется, надо дать на лапу.

– Я вас в тюрьму засажу! – прокричал он в последний раз и сел. На стул, разумеется, не за решетку. Пока.

– Что дальше? – спросила я.

– Отвечайте на заданные вопросы.

– Хорошо, задавайте.

– При каких обстоятельствах умер любовник вашей матери?

– Вам не кажется, что это кошунство? Задавать такие вопросы? Она все-таки была моей матерью, – тихо сказала я. – И я страдала.

– Оттого, что ее любовник был моложе вас? – язвительно спросил мент.

Я молчала.

– Я засажу вас за убийство, – пообещал он.

– Сколько? – спросила я.

На этот раз он не кричал. Он вздохнул и спросил:

– Вы, быть может, не знаете, что наша беседа записывается?

– Ах, понятно! – сообразила я. – Делиться не хотите.

Я подумала, что он меня сейчас убьет. Но тогда посадят его. Ах нет, я забыла! Им же ничего не бывает. Что бы они ни делали, не бывает и все тут. Но он ведь не может убить меня прямо здесь, в своем кабинете? По его лицу я поняла: не может. И успокоилась. Можно так и продолжать: без пауз.

«Интересно, сколько времени он продержится?» – прикинула я.

– Ваша мать дала взятку, чтобы закрыли дело? – прошипел Павел – без паузы – Юрьевич. – Кто ей помог?

– Некоторые ваши коллеги догадались, что кнопки на телевизионном пульте существуют для того, чтобы переключать каналы, – сказала я очередную глупость, потому что он позеленел от злости. – И поэтому в курсе, кто такая Марина Минина. Это большей частью относится к вашим начальникам, к тем, кто занимает важные посты. Они даже представляют себе, как выглядит книга.

– Вы мне угрожаете? – он опять вскочил.

Что с ним прикажете делать? В каждой моей фразе он искал двойное дно, как в чемодане с контрабандой. Он на сто процентов был уверен, что я перевозю запрещенный товар или того хуже, оружие и наркотики. Его взгляд-рентген тщетно пытался вскрыть воздух. Милый, Павел, пауза, Юрьевич! Там нет двойного дна! Я тебе не угрожаю! Просто хочу дать то, что ты хочешь. Ты ведь хочешь денег? Все хотят. Так зачем же упрямиться, кричать и топтать ногами?

– Вам это дорого обойдется, Ариадна Витальевна.

– Я знаю.

– Сейчас не те времена.

– Что, рубли больше не берут? Не беспокойтесь: у меня и доллары есть. Или вы предпочитаете евро?

– Факт предложения взятки будет зафиксирован в протоколе, – прокрипел он. – Продолжим допрос.

– Хорошо, – легко согласилась я. И закинула ногу на ногу: – Продолжим.

Недавно умерла моя мать, и я ее действительно любила. Я даже готова сесть за эту любовь. В тюрьме, наверное, не так уж и плохо. То есть, там плохо, но об этом снимают всякие фильмы с налетом романтики. Говорят, что тюремная дружба самая крепкая. У меня нет вообще никакой. Так, может, попробовать?

– Я полагаю, что одно вытекает из другого, – сказал он, глядя в мое декольте, – самоубийство вашей матери (пока мы остановились на этой версии) из убийства ее любовника, Егора Варламова.

– Какого убийства? Дело-то закрыли! И там об убийстве не было ни слова! У меня плохое чувство юмора, но зато хорошая память.

– Мне всегда подозрительно, когда нож в спине называется «отсутствием состава преступления». Ваша мать показала, что в тот день они были на даче вдвоем. Она и Егор Варламов.

Я пожала плечами:

– Они всегда были вдвоем.

– Где ж она его подцепила?

Ого! А это уже не похоже на допрос! Это, простите Павел, без паузы, Юрьевич, прямо-таки бабское любопытство! И тон... Ах, что за тон! Даже журналисты, трудящиеся на ниве желтой прессы, деликатнее. Они ее пашут любовно, ручками возделывают, а не прутся комбайном в грядки, как вы. Это же не морковка, это любовь, хотя и рифмуется.

Я постаралась быть спокойной.

– Они познакомились на презентации. Егор подошел к маме и сказал, как сильно он любит ее книги. И попросил автограф.

– А вечером оказался у нее в постели, – ухмыльнулся мент.

– Не вечером. Они какое-то время переписывались. По электронной почте.

– И когда это было?

– Пять лет назад, – ровным тоном сказала я.

– Презентация была пять лет назад или постель? – ехидно поинтересовался он.

– Пять лет назад они, говоря вашим казенным языком, сошлись.

Знали бы вы, чего мне это стоило. Пять лет моих мучений! Когда я просто-таки места себе не находила, глядя, как гибнет мама! Я ей не раз об этом говорила и оказалась права! Я же вижу людей насквозь! И Егора... О! Я сразу поняла, что это такое!

– Выходит, когда они познакомились, ему было... – он заглянул в свои записи.

– Двадцать пять.

– А ей...

– Пятьдесят.

– Он вполне мог быть ее младшим сыном, – ехидно сказал мент.

– Он не был ее сыном. Они собирались пожениться.

– Ничего себе расклад! Пенсионерка собиралась замуж за тридцатилетнего плейбоя! Я видел его фото, у него, похоже, от баб не было отбоя. Ваша мать что, застучала его с юной любовницей и пришила?

– Он упал на садовый нож, – монотонно проговорила я, поняв, что мент перешел на жаргон, чтобы меня разговорить.

У меня есть еще одно отвратительное качество: я всегда держу данное слово. Знаю, что это ужасно, но ничего не могу с собой поделать.

Когда-то у меня были подруги. Одна, к примеру, говорила:

– Аришка, я к тебе завтра зайду.

И я с самого утра начинала ее ждать. В девять вечера, поняв, что она уже не придет, набирала ее номер.

– Ой, извини, Аришка, я забегалась! Завтра заскочу!

На другой день повторялось то же самое. Я человек железных правил: если я кому-то обещала, что завтра позвоню, то обязательно позвоню. И всегда уточняю время: когда удобнее? Не было еще ни одного раза, чтобы я не позвонила, если обещала, и не пришла, если у меня были такие намерения. Не можешь прийти, так и не обещай. А ссылка на всякие там обстоятельства ничего не оправдывает. Человек на то и человек, чтобы быть сильнее обстоятельств. В общем, с этой подругой мы расстались.

Другая постоянно брала у меня займы. Денег у меня много, поэтому, если просят в долг, я без лишних слов лезу в кошелек.

– Через неделю отдам, – обещала подруга.

Ровно через неделю я ждала ее с деньгами. Вечером звонила:

– Извини, что напоминаю. Долг когда отдашь?

– У тебя что, денег нет, Петухова? Ты ж миллионерша!

– С деньгами порядок, но ты сказала через неделю.

– Еще недельку подождешь?

– Конечно!

Надо говорить, что было дальше? Повторяю: у меня много денег. Я готова одалживать сколько угодно, но мне надо знать точный срок: когда? Ну, скажи ты, через месяц или через год, я терпеливо буду ждать год. Но через год, день в день, уж будь так любезна. В общем, и с этой подругой мы расстались.

Я прекрасно знаю, что вы скажете: какой ужасный характер! Я этого и не отрицаю. Я же сразу предупредила: спасаю от себя человечество. Хотя мне и не понятно, почему обязательность так отпугивает людей? Если бы все были такие, как я, жить было бы скучно, зато спокойно.

Это было лирическое отступление. Надо же объяснить свое поведение в кабинете у мента. Объясняю. После истории с Егором мама взяла с меня самое мое отчаянное слово, что я никому не скажу правду. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Я не знаю, причисляла ли она свою смерть к этим обстоятельствам, но в нашем договоре не было никаких примечаний. То есть особых условий, мелким шрифтом. Поэтому я решила стоять насмерть.

– А где был этот нож? – спросил мент.

– Как где? У него в спине! У Егора!

– А до того?

Я слегка напряглась. Как сказать правду и не нарушить договор? Ситуация безнадежная.

Выручай, мент!

– Что же вы молчите, Ариадна Витальевна?

– Нож был...

– Был в...?

– в...?

– Руке.

Подчеркиваю, это он сказал, а не я.

– Осталось уточнить в чьей, – в упор посмотрел на меня Павел Юрьевич. Тут мне уже было не до расстановки пауз.

– Сожалею, но дело закрыто, – тихо сказала я.

Он аж подпрыгнул:

– Вы сожалеете?!!

– Он умер. И она умерла. Чего вы еще хотите?

– Я хочу, чтобы вы признались. Ваша мать убила своего любовника. Я не знаю причины, может, она застукала его с вами, а?

Тут я расхохоталась. Я смеялась так долго, что он пошел за водой. Подумал, наверное, что у меня истерика. Павел Юрьевич сунул мне в руки стакан и буркнул:

– Пейте.

Я стала пить, чтобы его не расстраивать, хотя пить мне совсем не хотелось. Еще одно отвратительное качество: если меня о чем-то просят с таким видом, какой сейчас был у него, я всегда эту просьбу выполняю.

– Какие у вас были отношения с Варламовым? – спросил он, когда я поставила пустой стакан.

– Плохие.

– Совсем плохие?

– Совсем.

– И в чем это заключалось?

– Я с ним не спала.

– А он вас домогался?

Я с сожалением посмотрела на пустой стакан: мне опять хотелось смеяться. Надо же такое сказать! Хотела бы я видеть мужчину, который меня домогается! Зайца Петя домогалась я. И домоглась. Или как это называется?

Я сидела и кусала губы, потому что еще один стакан воды в меня бы просто-напросто не влез.

– Что с вами? Вам плохо? – испугался мент.

– Да.

– Голова болит? Сердце? Или что?

– Или что. Я больше не хочу пить.

– Так и не пейте!

– Дайте мне слово, что не побежите за водой.

– Конечно, не побегу!

И тут я с чистой совестью расхохоталась. Он, наверное, подумал, что я над ним издеваюсь. Сначала лицо у него было белое-белое, а потом медленно начало краснеть.

– Вы думаете, что богатым все можно, да? – со злостью спросил мент.

– Не принимайте это на свой счет, – давясь от смеха, сказала я.

– Вы... знаете вы кто? Богатая... избалованная... наглая... сучка...

Он говорил с такими паузами! Мама дорогая! Между этими четырьмя словами уместился бы еще добрый десяток эпитетов, которыми он мысленно меня наградил! Я услышала их все!

– Но я найду на вас управу! – пообещал Павел Юрьевич.

– Хотелось бы.

– Убирайтесь вон!!! – заорал он.

Я машинально посмотрела на часы. Слабак. Недолго продержался. И встала.

– При первой нашей встрече... Допросе... Помните, Павел Юрьевич? Я вам сказала, что это надолго, а вы не поверили. Отдышитесь. У вас есть мой номер телефона? Позвоните мне, как только успокоитесь. До свидания. Да, забыла! Желаю удачи!

Моя мама всегда так говорила:

– Удачи тебе, солнышко! Удачного дня! Милый, у тебя все сегодня получится! Удачи!

Вот ведь прилипло!

Он сидел, открыв рот. И тут я не выдержала. Схватила стакан и кинулась к графину с водой.

– Водички, Павел Юрьевич?

Он схватил стакан и выплеснул воду мне в лицо. У меня дорогая тушь, водостойкая. Но я пришла пешком. Теперь придется в таком виде ловить такси. Я вздохнула:

– Неприятность. Хорошо, что лето. Я посижу на скамейке, под вашим окном, не возражаете? Надо высохнуть.

– Во-о-о-он!!!

Трудно разговаривать с человеком, который не понимает элементарных вещей. Женщина не может идти домой мокрой. Места ему, что ли, жалко? Или правилами запрещено сидеть под окнами ми... полиции? (Черт! Полиция же теперь!) Трудно об этом сказать? Я же их не знаю, эти правила. Надо на всякий случай почитать все, что у них на стене, даже мелким шрифтом. Мне вовсе не хочется его злить. Я просто пока не знаю правил.

Я вышла из кабинета и чуть не угодила в объятия к какому-то толстяку.

– Господи, что с вами?!

– Павел Юрьевич облил меня водой.

– Что?! А ну, пойдём.

Меня завели в другой кабинет, чему я очень обрадовалась. Там стоял вентилятор, и я тут же подседа к нему. Сушиться. Он принял меня в объятия благосклонно: загудел и обдал тугой струей воздуха.

– Девушка, вы простудитесь, – сказал толстяк.

– Павел Юрьевич сказал, что у него под окнами неудобно сидеть, а мне неудобно ехать в автобусе в мокрой одежде. Гораздо неудобнее, чем заболеть.

– Значит, Спиркин облил вас водой?

– Спиркин – это кто?

– Тот, из чьего кабинета вы вышли.

– Я просто думала, что он хочет пить.

– Пишите докладную, – ко мне подвинулся лист бумаги.

– Что?

– Опишите все, что случилось.

– Зачем?

- Вы ведь Ариадна Минина?
- Петухова. А откуда вы знаете?

«Два месяца назад по этим же коридорам ходила моя мать», – вспомнила я. – «Конечно, он ее знает. А заодно и меня».

– Моя жена обожает читать светскую хронику, – широко улыбнулся толстяк, подтвердив мою догадку. – Я не возражаю, потому что там много фоток хорошеньких женщин, – подмигнул он. – Вы – самая хорошенькая!

- Это неправда.
- Правда, правда. Я все время гадал: почему же вы не киноактриса?

Киноактриса? Я опасливо оглянулась: нет ли здесь графина с водой? Моя футболка только-только подсохла. Осталось высушить джинсы, на которые тоже попала вода. На всякий случай я решила больше не смеяться. Чтобы отделаться от толстяка и его сомнительных комплиментов, я сделала то, что он так настойчиво просил: описала небольшое происшествие со стаканом воды. Толстяк взял у меня бумагу и заверил:

- Мы примем меры. Пропуск вам Спиркин подписал?
- Пропуск?

– Вот, возьмите. – Мне сунули в руки какую-то бумажку. – Можете идти. Приятно было с вами познакомиться. Обязательно жене расскажу! А вы подумайте насчет того, чтобы в киноактрисы.

Я подумала об этом давно. Еще раньше, чем об этом подумала моя мама. И твердо сказала: нет. У меня нет актерского таланта, и я это прекрасно знаю. Людям, которые не умеют лгать, противопоказано выходить на сцену.

Я шла домой и думала о Егоре. Почему-то я думала о нем. Не о том, как он умер, а о живом, о том, каким он парнем был. А был он плохим парнем.

...Дьявол с кукольником ударили по рукам, и деньги в карманы везунчика полились рекой. Но поскольку это были дьявольские деньги, то они не могли сделать счастливыми ни продавца игрушек, ни его семью. Дети, купив все, что хотели, сделались злыми и совсем перестали любить своего отца, жена, которая прежде была экономной, превратилась в транжиру, они с кукольником теперь постоянно ругались. Слуги принялись воровать, так что мастер теперь не мог ни на кого положиться. Новый дом оказался слишком огромен и мало того, что вызывал зависть соседей, требовал непомерных расходов. Жизнь в нем сделалась тоскливой. И тогда кукольник потребовал у своего заказчика, чтобы ему тоже сделали игрушку. Живую игрушку. Дьявол выполнил просьбу, он изготовил очень красивую, качественную куклу, но это еще больше все осложнило...

Егор

Вообще-то он был далеко не первым, кто захотел денег и славы Марины Мининой. Ведь моя мать была очень красивой женщиной, я это уже говорила. Красота помогла ей выбиться в люди. Она всем женщинам помогает, даже тем, которые говорят, что прежде всего хотели бы, чтобы их ценили за их ум. Уверяю вас, это кокетство. Моя мать была неглупой женщиной, судя по ее книгам, но свою красоту она ценила гораздо больше своего таланта. Инстинктивно, если так можно выразиться. В чем это выразилось?

Ни одно падение рейтинга она не переживала так, как вскочивший на подбородке прыщ. Рыдала она по обоим поводам, и по рейтингу, и по прыщу. Но по прыщу натуральнее и громче, я слышала это своим внутренним слухом. Мама всегда обращала внимание на то, какими взглядами провожают ее мужчины. Она сидела на жесткой диете, почти ежедневно умирала в спортзалах и проводила долгие часы в кабинете у пластического хирурга. Это занимало ее гораздо

больше, чем написание книг. Хотя она говорила обратное. Все лгут, и моя мать вовсе не была исключением. Хотя ее ум какое-то время помогал ей держаться против бесчисленных атак, которым она подвергалась. Я имею в виду мальчиков, подобных Егору. Но на нем мама почему-то сломалась.

Я долго думала: почему? Чем он отличается от других таких же мальчиков? Ведь до него все было так хорошо! Внешность? Я бы сказала слишком уж. Да раньше мама первой смеялась над такими салонными красавчиками! Слишком уж нежное лицо. Глаза. Слишком уж. Ресницы. Рот. Все словно нарисованное, мне иногда даже казалось, что он пользуется косметикой. Да откройте любой журнал, где рекламируют мужское белье! И если вас сразу не стошнит, вы увидите там Егора. Нет, конечно же, он не снимался в рекламе нижнего белья, раз был маминим любовником. Ее денег им вполне хватало. Он типаж, понимаете?

Но мама на нем заиклилась. Одно время я даже думала, что к ней пришла старость. Марина Минина решила, что Егор – это ее последний шанс.

– Мама, что случилось? – добивалась я.

– Он меня любит.

Уж простите, я не верю в любовь двадцатипятилетнего красавца к женщине, которая годится ему в матери. Не верю, и все тут. Почему-то Егор Варламов влюбился не в кого-нибудь, а в богатую и знаменитую Марину Минину. И был еще один момент, который я не могла не отметить. Моя мать была известной писательницей, а Егор тоже что-то писал. Мама говорила, что у него талант.

Талант у него действительно был, только иного рода. Он божественно врал. Любая ложь в его устах становилась молитвой. Может быть, потому, что сам он был ангельски хорош? Творит же природа такую мерзость!

О! Я этот талант оценила вполне! Поскольку я человек прямолинейный, я никогда и не играла в симпатию к нему. Сказала сразу, без обиняков:

– Я тебя ненавижу: тебе нужны мамины деньги.

– Я ничего не прошу. – Мерзавец! Он не сделал паузы! Ни малейшего зазора, в который могло бы просочиться сомнение, не было между моим вопросом и его ответом! За что я возненавидела его еще больше.

– Пока не просишь. Пока ты никто. У тебя нет никаких прав. Но, прости, сколько тебе лет?

– Почему прости? С каких пор извиняются за молодость? Это тебе скоро придется скрывать свой возраст, а мне... Мне двадцать пять.

– То есть, у тебя уйма времени. Она ведь стареет, а ты только хорошеешь. Мужчины твоего типа – как коньяк, их цена зависит от выдержки. Чем они старше, тем их обаяние сильнее ударяет в голову, в двадцать пять они лишь слегка опьяняют, зато в сорок с первого глотка валят с ног. Это не комплимент: я тебя ненавижу. Я поняла твою тактику. Ты решил выждать время. Правильно: богатство надо заслужить. Его надо выстрадать. Мама выстрадала. И тебе она так просто не сдастся. Но я вижу, ты парень терпеливый. Ты ее дожмешь.

– Не знал, что ты такая жадная, – сказал мне на это Егор.

– Я жадная?!

– Что ж, я тебя понимаю. Делать ты ничего не умеешь, кроме как быть дочерью Марины Мининой. Она тебя безумно любит и будет давать тебе деньги *всегда*. Ты должна молиться на нее, а ты издеваешься.

– Как ты сказал?!

– Издеваешься. Ты надо всеми издеваешься, но над ней особенно. Мстишь ей, только непонятно за что. Хотя, если подумать... Ты же собственница! Так выражается твоя безумная любовь к матери. Но я тоже ее люблю. Я тоже хочу немножко Марины Мининой, – насмешливо сказал он. – Может, поделишься, Аришка?

– Не смей меня так называть!

– Извините, Ариадна Витальевна, – он шутливо поклонился. – Так что, поделишься со мной мамой?

– Вы с ней это обсуждаете? – подозрительно спросила я.

– Конечно!

– А ты не только терпеливый, но и хитрый. Решил нас поссорить. Только учти: я и в самом деле люблю свою мать. Я ее от тебя спасу.

– Я тоже ее люблю. Ее надо спасать от тебя.

– Значит, война?

– Ну, если ты не хочешь мира...

Он бросил на меня выразительный взгляд. Надо сказать, глаза у него были необыкновенные. Ласковая зелень. Зеленые глаза бывают разные. Бывают жгучие, как крапива, бывают наглые. У Егора они были как зеленая лужайка, приглашающие. Иди сюда, здесь хорошо, мы полежим в тени деревьев, насладимся прохладой. И, разумеется, займемся любовью. Но я не повелась. Глупая была. Мне надо было попытаться его соблазнить и сделать так, чтобы мама об этом узнала. Но тогда я свой шанс упустила. Да я и не умею этого: соблазнять. Так же, как я не умею врать. Я слишком честная в постели, всегда выполняю обещания.

– Максимум год, – самоуверенно сказала я тогда.

– Не понял?

– Всего год. И она в тебе разочаруется. Знаешь, сколько у нее было любовников?

– Догадываюсь, что много, – в ласковой зелени мелькнул солнечный зайчик. Этот гад надо мной смеялся! Моя ненависть росла в геометрической прогрессии.

– Никто из них не протянул и года, Егорчик. Исключение мой папа, который прожил с ней четверть века. Но это отдельная история, история семьи Мининых, к которой ты не имеешь, ни малейшего отношения. Может, сразу деньгами возьмешь?

– Отступное? – рассмеялся он. – А если я ей расскажу?

– Мне-то что. Запомни: меня она будет любить всегда, а тебя по настроению. Настроение у нее меняется часто, поэтому тебе придется несладко.

– Все сказала? – на солнце нашла туча, и в ласковой зелени стало прохладно.

– Да!

– Тогда я пойду. – Он посмотрел на часы. – Мы с Мариной идем в ночной клуб.

– В элитный ночной клуб. Куда тебя раньше не пускали.

– Ошибаешься.

– Значит, она у тебя не первая богатая старуха?

– Вот как ты думаешь о своей матери... – Его голос стал ехидным. – Видимо, вам, Ариадна Витальевна, придется поискать себе работу. Мама скоро перестанет субсидировать ваше безделье. Ах да! Я и забыл! У вас же есть муж! Вы всегда можете родить ему ребенка...

Скажу честно: раньше мне не приходилось бить людей. Но Егор разжег во мне такую ненависть, что я не удержалась. Это была самооборона, разве не так? Он меня здорово обидел, и я не удержалась. Пощечина вышла звонкой, но Егор выдержал ее стойко. Мне даже показалось, что он смотрит на меня с жалостью.

Так мы ступили на тропу войны, и чем это закончилось, вы уже знаете. Он неудачно упал на садовый нож. Так неудачно, что сразу умер.

Наследство

Мне придется пропустить полгода, потому что за это время со мной не случилось ничего интересного. Зато случилось с Павлом Юрьевичем: ему поставили на вид. Да так поставили, что он чуть не вылетел с работы.

– Телегу на меня накатала, сучка, – прошипел он, когда мы столкнулись в коридоре.

– Телега – это транспортное средство, ее не катают, она едет, – теперь я попыталась преподать ему урок русского языка, но, видимо, Паша в школе был двоечником. Отреагировал он как двоечник:

– Я тебя запомню, дрянь. Твоя дачка находится на моем участке.

– Хорошо, я ее продам.

Слава богу, дело было в коридоре. У него под рукой не оказалось ни стакана, ни воды. Он пошарил взглядом в поисках тяжелого предмета, но я не стала дожидаться, пока в Пашиной руке окажется огнетушитель, которым оногреет меня по голове, и сделала ручкой:

– Удачного дня! Я верю, что у вас все будет хорошо!

– Суу-у-ука... – провыл он мне вслед.

В общем, слабак. С Зайцем Петем мы можем часами разговаривать на моем марсианском языке. Например:

– Ариша, у нас сегодня есть ужин?

– Мне нахамили в мясной лавке!

– Ты замечательно готовишь картофельное пюре.

– Я сказала, что больше к ним не приду.

– Молодец! Отстояла мои котлеты!

– Вообще-то это курица.

– Я тоже тебя люблю.

Заяц Петь прекрасно меня понимает, когда я говорю:

– Пойдем посмотреть телевизор.

Мы его не смотрим вот уже лет пять, с тех пор как перестала меняться картинка, сюжеты и лица на экране, но бесполезный ящик стоит напротив огромного дивана, на котором мы с Петем занимаемся любовью. Как только я упоминаю телевизор, муж начинает расстегивать штаны. Это не просто высокие отношения, а лучше чем высокие отношения, потому что мы выясняем их в горизонтальном положении. Замечательно, что это не только часто, но и приятно.

А Павел Юрьевич слабак, хоть с паузой, хоть без. В деле о смерти Марины Мининой не обнаружилось состава преступления. В Следственном комитете сочли, что оснований для возбуждения уголовного дела нет. Вот так-то. Она повесилась, и все. Трудно ее за это судить, раз она уже мертва. И меня отпустили с миром.

А через полгода я вступила в права наследства. Моя мать не оставила завещания. Она вообще была мнительной. Говорила:

– Если я составлю завещание, со мной обязательно что-нибудь случится.

Лучше бы она это сделала! Тогда бы с ней не случилось то, чего она так боялась. Она бы не повесилась.

Кстати, Егор ее почти уговорил пойти к нотариусу. И очень кстати он умер. Потому что мне досталось ВСЕ. Я вовсе не жадная, но делиться с альфонсами не в моих правилах.

Итак, я стала владелицей двух прекрасных московских квартир, двухэтажного особняка в пригороде, двух машин, одна из которых пресловутая «Бентли», и двух банковских счетов, один в долларах, другой в евро. Наличность в рублях составила миллиона два. На первое время, на расходы. Наши писатели любят говорить, что им живется плохо, денег, мол, почти не платят. Я оставлю это без комментариев. Моя мать всегда жила хорошо. С тех пор как стала Мариной Мининой, автором остросюжетной прозы.

Мне и раньше не было необходимости искать себе работу. Мама исправно давала мне деньги. Не так много, как думали все, но мне хватало. Заяц Петь тоже работает. И тоже пытается давать мне деньги. Наверное, у меня такое лицо. Даже мой папа, человек небогатый, едва увидев меня, заботливо спрашивает:

– Ариша, тебе ведь нужны деньги?

– Спасибо, у меня все есть.

– Нет, ты возьми. – И папа лезет в карман за кошельком.

У него давно уже другая семья. Его жена почти в два раза моложе Марины Мининой и во столько же раз некрасивей. Да что там! Не будем лицемерить! Она некрасива так, что мне стыдно брать у папы деньги! «Пусть лучше заплатит пластическому хирургу, а адресок возьмет у своей бывшей», – подумала я на папиной свадьбе. Хотя мама и до пластических хирургов была красавицей, они лишь убирали ее морщинки и корректировали овал лица. А уж черты его всегда были безупречны.

Папина новая жена, моя мачеха, не так давно родила ему ребенка. Сына. Так что у меня есть сводный брат, но к наследству Марины Мининой он не имеет никакого отношения. Так же, как и мой отец, Виталий Минин. Они ведь давно развелись.

И вот я богата. К тому же у меня есть рукопись последнего маминого романа и все права на ее творчество. Права на творчество, как звучит, а?

– Можешь всю оставшуюся жизнь ничего не делать, – сказал Заяц Петь. Как будто до этого я пахала как слон!

Кстати, мы часто это обсуждали.

– Когда умрет твоя мать, ты будешь богатой женщиной, – смеялся, говорил Петь. – У нее полно недвижимости.

– Поэтому ты на мне и женился? – смеялась в ответ я.

– Конечно! А ты думала, по любви?

– Нет, я всегда была уверена, что по расчету.

– Я просто сволочь, а?

– Конечно!

И вот, свершилось! Нам чуть было не помешал Егор, но он удачно упал на садовый нож. И теперь я богата.

Первым делом я подумала: надо изменить свою жизнь. При маме мне жилось несладко, хотя мне трудно объяснить, в чем именно это выражалось. Просто у нее был такой характер: она давила. Рядом с ней я думала лишь об одном: как ужасен мир!

Ни одного дня из своей писательской жизни мама не была счастлива, даже когда вышел полнометражный фильм по ее лучшей книге.

– Сволочи, все переврали, – сказала она, придя с премьеры, прошедшей с аншлагом в лучшем московском кинотеатре, с присутствием звезд первой величины, и где все федеральные каналы взяли у мамы интервью.

И разрыдалась. Это уже было покруче, чем прыщ. И я это услышала. Она плакала ВСЕ-РБЕЗ. Я не знала, как мне реагировать. Утешать ее? В день всероссийской премьеры? Когда критики захлеб хвалят фильм? Когда тиражи ее книг взлетели до небес?

Я чувствовала себя глупо, а она все плакала.

– Не обращай на меня внимания, Ариша, – всхлипнув в последний раз, сказала мама и набрала номер Егора.

Он не был на премьере, их роман, не книжный, а тот, где главной героиней была их пламенная любовь, только-только начинался. Но двадцатипятилетний плейбой мгновенно понял то, чего не смогла понять я. Привез бутылку коньяка, хотя у нас элитными спиртосодержащими сосудами и так был заставлен бар. Но мама стала пить ЕГО коньяк.

– Ты всегда можешь написать новую книгу, – сказал Егор и попал!

Мама тут же принялась рассказывать ему сюжет. Мне она этого никогда не рассказывала. Потом они уехали. Вместе. А я осталась с Зайцем Петем. Его тоже не было на премьере, но по другой причине. Они с мамой всегда не ладили. Она была против нашего брака и долго кричала, когда я собралась замуж.

– Он женится на тебе по расчету, дура! Нищий оборванец! Он даже не москвич! Ему нужна прописка и жилье!

– Я знаю!

– И ты его тоже не любишь!

– Не люблю, – легко согласилась я. Мои чувства к Петю и в самом деле странные. Я его не боюсь, в отличие от других мужчин, и не могу объяснить почему. Не боюсь, и все.

– Я не буду с ним жить в одной квартире! Он меня раздражает! – кричала мама.

– Хорошо, мы уйдем на частную.

– Интересно, кто будет за это платить? – ехидно спросила родительница.

– Что-нибудь придумаем.

Я никогда у нее ничего не просила, поэтому она купила мне квартиру. У моей матери был странный характер: если ее одолевали просьбами, она на них не реагировала. Ей нравилось делать неожиданные подарки. Просто так.

И я получила от нее квартиру. Двухкомнатную, она сказала, что хочет внуков. Но к Петю она после этого не стала относиться лучше. Так и звала его:

– Сергей.

Хорошо не на вы.

А он ее:

– Марина Ивановна.

К Марине Ивановне он просто не мог пойти на премьеру. И она какого-то Сергея Петухова не приглашала. Кто он такой? Мой муж все время где-то работал, но маму это не впечатляло. И сейчас Заяц Петь не сидит без дела. Его должность каждый раз состоит из нескольких слов, ключевое из которых «менеджер». Менеджер по чему-то там. Или какой-то менеджер. Менеджер где-то там. Перебирая визитные карточки мужа, я каждый раз пытаюсь понять смысл его работы, и до меня все никак не доходит.

– Ты что-то продаешь? – спрашивала я Петя каждый раз, как только он устраивался на новую работу.

– Нет.

– Берешь на работу людей?

– Нет.

– Занимаешься рекламой?

– Нет.

– А что ты тогда делаешь?

– Я решаю вопросы.

– Какого рода эти вопросы?

– Ты все равно не поймешь.

– Я глупая?

– Далеко нет.

– Тогда объясни, пожалуйста...

Тут Петь обычно зажимал мне рот поцелуем. И я думала: в самом деле, что мне до его работы? Он ведь пытается всучить мне деньги. И когда он мне нужен, Петь всегда под рукой.

– Твой муж типичный бездельник, – сердито говорила мать.

– Он на работе с десяти до шести.

– Тогда конечно. Незаменимый человек. С десяти до шести. – И губы ее презрительно кривились.

В общем, вы уже поняли, что они не ладили. Так же как и мы с Егором. Мама не ладила с Зайцем Петем, я с ее любовником, папа от нас съехал, чтобы этому не мешать, куда ни посмотришь, полная гармония. Мы вовсе не были несчастными до того момента, как зеленоглазый красавчик Егор неудачно упал на садовый нож. Вот с этого все и началось...

Но заметила я это, когда...

Господи, когда же я это заметила? Когда в лобовое стекло моей машины влетел камень? Я попыталась изменить свою жизнь с того, что села за руль. Права у меня были всегда, но на машине ездил Петь. Он ведь работал с десяти до шести, а я до полудня валялась в постели. У нас никогда не было домработницы, зато она была у моей мамы. А я...

Я старалась жить согласно своей полезности для общества. Поскольку она равна нулю, то я не считала возможным иметь не то что домработницу, даже вторую машину. Я этого не заслужила. Но когда умерла мама, у меня их оказалось целых две, и с обеими надо было что-то делать.

Первая мысль была: продать. Но я не в состоянии переварить столько денег сразу и сказала об этом Петю.

– Хорошая мысль, – кивнул он.

– Так на чем мне ездить?

– Ты давно это заслужила.

Он всегда понимал меня с полуслова. Разумеется, я хотела знать, можно ли мне ездить на «Бентли»? И он сказал: можно.

Первое впечатление было ужасное. На меня все смотрели. Я слышала их мысли: чья-нибудь дочка или любовница, подарили дуре крутую тачку, на фига козе баян. Самое ужасное, что они были правы, все эти люди. Я не сама на нее заработала. И вот, еду. Еду плохо, потому что водитель я неопытный, и от меня все шарахаются. Боятся меня, моей крутой машины, не дай бог, заденут-поцарапают, и богатый папа, или богатый папик, устроит разборки с дракой-перестрелкой. У меня никого нет, в смысле богатого покровителя, который бы за меня заступился, но не вешать же мне знак на лобовое стекло? «Не имею папика-бандита!» Нет такого знака, я честно искала его в Интернете. Надо его заказывать.

Тут я всерьез задумалась. А как должен выглядеть этот знак? Есть «чайник», есть «туфля», есть «не обижай малыша». Много чего есть, но это все не то. Как выглядит знак «честная женщина»? Очки? Не то. Подумают: за рулем дама в линзах. Пояс верности? Любители садо-мазо станут доносить: девушка, дай телефончик. Ну, вот как это изобразить? Я поставила очки на чайнике, а туфлю на горле у плейбоя, типа Егора. Была бы жива моя мама, она бы мне подсказала. У нее была богатая фантазия, а у меня вообще никакой. Я мысленно переместила Егора на чайник, а очки на туфлю.

И в этот момент в лобовое стекло моей машины влетел камень. Если бы я не задумалась так крепко, я бы испугалась гораздо сильнее. И все могло закончиться плохо. Я как раз подъезжала к мосту. Выпусти я от неожиданности руль, меня бы вынесло аккурат на одну из бетонных опор. А так я подумала:

– Ну, камень и камень.

И поехала себе дальше. И только метров через сто, когда мост остался позади, до меня вдруг дошло: по всему лобовому стеклу идут трещины! И удар-то пришелся точнехонько в мою переносицу! Тот, кто бросил камень, стоял на мосту и поджидал мою «Бентли». То есть, я вполне могла умереть, будь скорость побольше, как это, наверное, и положено, если едешь на «Бентли». Но я черепаха. Не еду, а ползу. Да еще и притормозила перед мостом, потому что задумалась.

Вечером я рассказала об этом случае Петю. Он как раз пришел с работы. Рассказала, смеясь, в основном про Егора на чайнике. Но лицо мужа стало серьезным:

– Камень, говоришь?

– Да, камень.

– Не хочется умирать, когда имеешь такие деньги, – внимательно посмотрел на меня Петь.

И тут до меня начало доходить. Я ведь совершенно забыла, что теперь богата! Мало того! Я богатая бездетная женщина, у которой нет завещания. Может, мне его составить? И вдруг, неожиданно для себя, я сказала:

– Не хочу составлять завещание. Мне кажется, что после этого со мной непременно что-нибудь случится.

Заяц Петь посмотрел на меня удивленно, но его ответ был:

– Вот и не надо.

Я бы вскоре забыла об этом случае с камнем, если бы...

Если бы не стала обращать внимания на некие досадные мелочи.

Моя электронная почта начала вести себя странно. У меня теперь по несколько раз запрашивали пароль. Даже когда я пыталась войти в социальную сеть. Прежде я никогда не ошибалась и была уверена, что не ошибаюсь и теперь. Но с первого раза пароль почему-то не проходил. Только со второго, а то и с третьего.

Раньше я бы не обратила на это внимания. Но теперь вспомнила, что у меня есть банковские счета, на которых неприлично много денег. Я была богата и абсолютно не защищена, не то что раньше, когда за меня отвечали мама и муж. Вдруг появились какие-то нотариусы, адвокаты, менеджеры по VIP-клиентам. Все эти люди свалились на меня как снег на голову и совершенно запутали.

Обычно я не читаю новостную ленту, но тут вдруг мне на глаза стали попадаться статьи. Я и не думала, что банковская система такая ненадежная! И лучше наличности до сих пор, оказывается, ничего не придумали! Я удивилась: до чего же мошенники стали изобретательны! Они оставляют в банкоматах считывающие устройства и, узнав ваш пин-код, опустошают банковский счет.

До всех этих событий я редко пользовалась банкоматом. Заяц Петь всегда давал мне наличные, мама тоже сама пользовалась банкоматом, а я даже не знала пин-кода ее карты, между прочим золотой. На самом деле это был обычный пластик, но по тому, с каким благоговением брали кредитку в руки продавцы элитных бутиков, можно было подумать, что она и впрямь из благородного металла. Отец и тот давал мне наличные. А тут я столкнулась с такой неприятностью, как банкоматы, потому что в мамином банке мне выдали пластик. Я возненавидела их с первого взгляда, эти банкоматы, за считывающие устройства, которые в них могли быть. Естественно, я принялась их проверять перед тем, как доверить им мой пластик, и чуть не угодила в полицию (пусть уж будет полиция). Мне долго пришлось объяснять, что я не вор, а клиент.

– Давай-ка я буду снимать для тебя деньги, – сказал Заяц Петь. – Мне перестало нравиться твое желание начать новую жизнь. Ты слишком резво взялась. И в следующий раз точно окажешься в обезьяннике.

Вот удивил! Да я и раньше могла там оказаться! До того, как принялась лазить под банкоматы!

– Хорошо, я отдам тебе свой золотой пластик.

И тут я поймала его взгляд. Он ЖДАЛ.

– Я отдам, – повторила я.

– Ну и...?

– Знаешь, я отдам его тебе чуть позже.

– Что ж, как знаешь, – в его голосе было разочарование, я это услышала.

– А зачем тебе деньги, Петь? У тебя же все есть.

– Да, но хочется больше.

– Скажи, что ты хочешь, я и тебе это куплю.

– Новую машину! – выпалил он. Глаза его горели.
– Бери мамин «Мерседес».
– Это не совсем то.
– Почему? Хорошая машина, дорогая. Я все равно собиралась ее продать.
– Слишком просто.
– Ну, возьми «Бентли»!
– Я хочу свою машину, понимаешь?
– Нет, – честно ответила я.
– Вот, как тебе это объяснить? Представь, что у машины есть душа.
– С трудом.
– Это как любовь. Когда не хочешь делить с кем-то свою женщину. Есть, конечно, любители секса втроем...

– Ты не такой, понимаю. Однолюб. Я ничего с ней не делала, она почти чиста. Лобовое, правда, в трещинах, но когда ты его поменяешь, вообрази, что гинеколог сделал ей геменопластику.

– Гемено... что?
– Восстановление девственности.
– Разве такое возможно?
– Технически да.
– Увы! Если бы я не знал, что у нее не первый, это, возможно, прошло бы. Но гименокак-ее в моем случае не поможет.

– Сделай вид, что не знаешь о прошлом любимой женщины, – пожала я плечами. – Все так делают.

– Но ведь это ничего не изменит, – грустно посмотрел на меня Петя.

– Это верно.

– Знаешь что... Езди на «Бентли» сама.

– Я предложила тебе «Мерседес».

– Я это оценил. Но оставим все как есть.

На этом наш разговор закончился. Я вполне доверяю Петю, но раньше я была бедной и могла предсказать его реакцию на любой свой поступок. А теперь не могу. Мне еще надо его изучить, Петя. Как он поведет себя, когда я стала богатой? И если ничего не изменится, он получит мой золотой пластик.

Третий случай заставил меня задуматься всерьез. Камень в лобовое, повторный запрос пароля... Но вдруг позвонила моя соседка по даче и сладким голосом сказала:

– Ариночка, вы не могли бы продиктовать мне свои паспортные данные?

– Конечно могу!

Я кинулась за паспортом.

– Так... хорошо... А где вы прописаны? – был следующий вопрос.

Я сказала.

– И еще... – соседка замялась. – Мне нужен кадастровый номер вашего участка.

– Кадастровый? Номер?

– Видите ли, сейчас изменились правила, – затараторила соседка. – Мы только сейчас спохватились... Конечно, надо было раньше. Но войдите в мое положение, Ариночка! Нам надо оформлять землю в собственность, а для этого требуется согласие всех соседей!

– Хорошо, я поищу свидетельство на землю.

– Так вы точно теперь владелица всего?

– Всего?

– Я имею в виду имущества Марины Ивановны. Все записано на вас?

– А на кого же?

– А вы уже все оформили?

– Я вступила в права наследства.

– Ариночка, а мы не могли бы встретиться? Мне нужна ваша подпись в заявлении.

– В каком заявлении?

– Что вы не имеете ко мне претензий. Где бы мы могли встретиться? И свидетельство на землю не забудьте.

– Хорошо.

– Я вам еще перезвоню.

Я положила трубку и задумалась. Если вы имеете дачу в деревне Тютюкино, у черта на куличках, и в вашем огороде растет бурьян, вас мало волнует, если кто-то узнает его кадастровый номер. Но если у вас двухэтажный особняк со всеми удобствами в заповедной зоне, такие подробности обычно держат в секрете. Уж не решили ли меня обобрать до нитки?

Я вынуждена была вновь обратиться к Петю.

– Правила оформления дачного участка в собственность действительно изменились, – подтвердил он. – А ты хорошо знаешь эту женщину?

– Не очень. Честно сказать, даже не представляю, как она выглядит, – призналась я. – С тех пор как мама сошлась с Егором, я старалась у нее не бывать. Участок она купила давно, но строительство закончилось лет пять назад, уже при Егоре. Я в лицо-то эту женщину не знаю. То есть, знаю, наверное, но...

– У тебя плохая память на лица, – кивнул Петя. – Опасно.

– Ты думаешь...?

– Черт его знает, кто это? Паспортные данные, место постоянной регистрации, кадастровый номер, да еще и образец подписи! Во сколько оценивается дача?

– Петя, я не помню.

– На миллион тянет.

– Миллион долларов?

– Не рублей же. Там земля золотая. А от тебя хотят свидетельство на нее.

– И что мне делать?

– Послать, – пожал он плечами. – Я бы не рисковал.

– Но это же неудобно! Вдруг людям действительно надо?

– Тогда подстрахуйся.

– А ты бы не мог поехать со мной?

– Мог бы. Но какое отношение я имею к твоему имуществу? Мне там ничего не светит.

– Мы раньше ничего не делили на твое и мое.

– А раньше у нас ничего и не было.

– Значит, ты отказываешься?

– Солнышко, с десяти до шести я занят на работе, разве ты забыла?

Раньше он мне никогда не отказывал. Я задумалась крепче.

– А если я назначу встречу на вечер? Часов на семь?

– Слушай, разбейся со своим наследством сама!

Я хотела с ним поругаться, но вовремя вспомнила, что он меня не любит. Наши отношения вряд ли можно сделать хуже, чем они есть, поэтому какой мне смысл ругаться с Петем?

На следующий день, когда он ушел на работу, я начала рассматривать варианты. Соседка мне еще позвонит. Она обещала. Поэтому я с самого утра начала ждать ее звонка. И готовиться к этому. Вдруг мне на ум пришло:

– Я тебя запомню, сучка! Твоя дача находится на моем участке!

А не происки ли это Павла Юрьевича? Делать мне нечего, поэтому мои мысли постоянно чем-то заняты. Я начала мысленно прокручивать комбинацию. Допустим, мент решил

мне отомстить. Что он может мне сделать? Да много чего, ведь на его стороне закон, а я совершенно не разбираюсь в юридических вопросах.

Я всерьез заволновалась. Потом мне в голову пришло мамино любимое: не можешь задуть своего врага – обними! У меня хорошая школа, школа Марины Мининой. Разумеется, Павел Юрьевич не торопится ко мне в объятия, но он ведь смотрел в мое декольте! Мне ни разу не приходилось соблазнять мужчину, потому что раньше мои проблемы решались сами собой. Но Заяц Петь от меня отказался. Следовательно, зажег мне зеленый свет: найди кого-нибудь другого! С женщинами я дружить не умею, они все – мои враги. Почему так? Не знаю.

Иное дело мужчины. Я их, конечно, боюсь, но ведь и другие женщины их боятся тоже. Соседка напугается Павла Юрьевича точно так же, как она напугалась бы Петя. Выбора у меня не было, и я набрала телефонный номер мента. Я разжила им, еще будучи подозреваемой в убийстве мамы.

– Спиркин слушает, – заскрипело в трубке.

Я испугалась. Надо же! Набрала не тот номер! Какой такой Спиркин? Спиркин мне не нужен.

– Алло! Говорите!

– Мне нужен Павел Юрьевич, – пискнула я в трубку, набравшись решимости добиться у Спиркина номера телефона мента.

– Я вас слушаю, – сердито сказала трубка.

– Павел Юрьевич? – уточнила я.

– Он самый. Кто говорит?

– Арина Петухова.

– Какая еще Арина?

– Помните, вы облили меня водой?

Из трубки раздалось шипение, я даже подумала, что там поселилась змея.

– И у вас... ещщщще... Хватает наглости... – попыталась ужалить меня трубка.

– Да, потому что мне нужна помощь!

– Вас хотят убить? – злорадно сказал мент. – Просто здорово!

– Не убить, а ограбить. Вы что-нибудь про это знаете?

– Послушай с-с-с... щ-щ-щ...

– Сколько?

Кажется, он швырнул трубку, потому что там теперь не было даже шипения. Просто молчание. Я приуныла, но тут мой телефон зазвонил. Я радостно схватила телефон. Хорошо, что людям всегда нужны деньги!

– Ариночка, это опять я, – раздался в трубке сладкий голосок моей соседки по даче. Кажется, на этот раз он был еще слаще. – Извините, что беспокою вас... Вы нашли свидетельство на землю?

Я взяла глубокую паузу, потому что собиралась соврать.

– Да.

– Когда мы можем встретиться?

– Ну... через месяц.

– Милая, через месяц мне придется брать новые справки! – пришла в ужас соседка. – Надо сегодня, в крайнем случае завтра! Другие соседи уже предоставили мне свои данные! Дело только за вами!

– То есть, я могу увидеть их подписи? И паспортные данные?

– А зачем вам это? – подозрительно спросила женщина.

Мне бы очень хотелось увидеть и ее паспорт тоже. И убедиться, что она та самая, за кого себя выдает.

– Как-то все это напрягает, – поежилась я.

– Люди должны друг другу помогать, – выдала она фразу, которую я ненавижу больше всего на свете.

Сколько я ни помогала людям, мне так и не удалось получить в ответ хоть какую-нибудь помощь. Как только я обращалась с просьбой к людям, которые когда-то обращались за помощью ко мне, у них находилась масса предлогов, чтобы мне отказать. Эта фраза самая лживая из всех существующих на свете лживых фраз. Меня пытались обмануть, – это я поняла, как только ее услышала. А соседка меж тем продолжала на меня давить:

– Ариночка, я и так потратила кучу денег, – она заплакала. – Ну, что вам стоит?

Мошенники великолепные актеры – это я знала из Интернета. Им ничего не стоит выжать у жертвы слезу. Я почти сдалась.

– Но я приеду не одна.

– Да с кем хотите!

Хорошо она подготовилась. Выхода у меня не было. Мы договорились встретиться завтра в восемь вечера, в метро. Мне осталось только уговорить Петя или мента.

Разумеется, я начала с Петя. Как-никак он мой муж, а Павел Юрьевич чуть не засадил меня в тюрьму. Я нашла в мобильнике «Петь» и нажала на кнопку.

– Завтра в восемь, – сказала я так, будто собиралась грабить банк.

– Я не могу, – моментально струсил сообщник. – Найди кого-нибудь другого.

– Это будет мужчина, – предупредила я, пытаясь вызвать его ревность.

– Хорошо, только вернись домой не позже полуночи. Если что – звони.

Я еще какое-то время держала в руке молчащую трубу. Итак, Петь мне отказал. Может, обратиться в частное охранное агентство? Но полиция-то надежнее! Если это и в самом деле мошенники, то Павла Юрьевича они испугаются и навсегда от меня отстанут.

И я во второй раз набрала телефон мента.

– Спиркин слушает.

Господи, опять какой-то Спиркин!

– Мне нужен Павел Юрьевич.

– Опять ты, Петухова! Слушай, у тебя все дома? Или ты колешься? Все вы, богемные люди, наркоманы.

– Но я не... Я нигде не работаю.

– Вот я и говорю: пахать на тебе надо, тогда колотья бросишь.

– Вы Павел Юрьевич?

– Он самый!

– У меня к вам дело, – набралась я решимости.

– А ты упрямая. Ну, чего тебе?

– Меня хотят ограбить.

– Жалко, что не убить.

Он шел по улице, я слышала ее шум: мимо проезжали машины. Мы были с ним тет-а-тет, не считая улицы, и он мог позволить себе хамить. Выбора у меня не было, и я решила терпеть.

– Вы можете поехать со мной в одно место?

– Неужто в цирк? – весело спросил он.

– В метро.

– И что мы там будем делать?

– Я поставлю подпись в одном документе, а вы сделаете так, чтобы женщина, которая его привезет, испугалась.

В трубке раздалось какое-то бульканье. Мне показалось, что он пьет воду и давится.

– С тобой не соскучишься, Петухова! – сказал, наконец, он. – Мне что, надо сделать зверское лицо?

– А оружие у вас есть? – с опаской спросила я. Все-таки речь шла о пистолете!

- А как же!
- Вы не могли бы его с собой взять?
- Боюсь, что нет, – в трубке опять раздалось бульканье.
- Почему?
- Потому что, если при мне будет пистолет, а ты по-прежнему будешь нести пургу, что неизбежно, я тебя точно пристрелю!
- Я совсем забыла, что он не Петь. Бедненький: нервы ни к черту.
- Хорошо, – сдалась я. – Пусть будет только удостоверение.
- Я что, должен его предъявить?
- Да.
- Контролеру в метро?
- А оно дает право на бесплатный проезд? Тогда да. И контролеру тоже. Но проезд я вам могу и оплатить. Я ведь теперь богата.
- Поэтому ты и отстала от жизни, Петухова. Метро, небось, видишь только в кино. Нам сейчас дают безлимитный талон на проезд.
- Это хорошо или плохо?
- В трубке захрюкали. Сомнений не было, он смеялся!
- Скажи спасибо, что у меня сегодня хорошее настроение, – подтвердил мою догадку Павел Юрьевич. – Задержали опасного преступника.
- Да, это весело, – согласилась я. – Так вы мне поможете?
- А совесть у тебя есть?
- Не знаю, – честно ответила я. – Мне всегда казалось, что да.
- Какого ты о себе хорошего мнения! – совсем развеселился Павел Юрьевич. – Слушай, а это интересно... Куда я должен приехать, чтобы напугать несчастную женщину?
- Почему несчастную?
- Потому что она вынуждена иметь дело с тобой!
- Я назвала станцию метро и добавила:
- Завтра в восемь. Вечера, не утра. Не перепутайте.
- Ты совсем дура? Или меня держишь за дурака?
- Если вы плохо учились в школе, это еще не значит, что вы дурак.
- А почему ты думаешь, что я плохо учился?
- Потому что вы мент! Ой, простите. – Опять забыла про паузу! Ляпнула, не подумав!
- Тем не менее тебе нужна моя помощь, – ехидно сказал он. – Что же ты не обратишься в министерство финансов, Петухова?
- А при чем здесь министерство?
- Там умники сидят.
- Я туда обращусь, когда моя проблема будет экономической. Но сейчас вопрос жизни и смерти, поэтому я и обратилась к вам! – выпалила я. – Так вы придете завтра к метро?
- Приду. Хоть одно доброе дело сделаю, – вздохнул Павел Юрьевич. – Хотя мне бы очень хотелось увидеть твой труп. Это доставило бы мне массу положительных эмоций.
- Разве менты должны так говорить?
- Ты что, записываешь это на диктофон? – заорал он. – В таком случае запомни: от взятки я отказался!
- Ничего я не записываю! Нельзя же быть таким мнительным!
- От тебя всего можно ожидать, – пробурчал он. – Ты, Петухова, ловко умеешь устраивать свои дела. Посмотришь – цветок просто, а не женщина. Губки бантиком, попка краником, все при ней. Но ты, Петухова, используешь людей в своих интересах. Таких, как ты, еще поискать...
- Так вы придете к метро? В последний раз спрашиваю. Мне надо знать наверняка.
- Ладно, приду.

– Спасибо, – сказала я и дала отбой.

Мне стало чуть легче, хотя я и не была в нем уверена. В Павле Юрьевиче. Мне редко попадались такие же обязательные люди, как я сама. Честно сказать, вообще не попадались. Ариадна Петухова – единственный экземпляр абсолютной человеческой глупости.

Я подумала вот что: если он не придет, то и я не буду спускаться в метро. А если соседка мне позвонит, не буду брать трубку. Не буду и все. Конечно, это нечестно, а соседка ли она? У меня нет этому доказательств, следовательно, меня не в чем упрекнуть. Я сказала, что приеду не одна, и если мой компаньон меня подведет, значит, главное условие договора нарушено. В метро можно не спускаться.

Уф!

Я всегда ищу оправдания, если меня что-то смущает. Одного мне мало, я ищу их много. Максимальное число возможных оправданий. Весь остаток дня я сомневалась, и пришедший с работы Петь даже спросил:

– Что с тобой?

– Ничего.

– Ты морщишь лоб и шевелишь губами. С кем ты разговариваешь?

– Ни с кем.

– У тебя что, начинается шизофрения? – заботливо спросил Петь.

– А тебя бы это устроило?

– Почему меня могло бы это устроить? – Петь никогда не сдается. Сколько бы вопросов у меня ни возникало, он готов ответить на все. Я вышла за него замуж, потому что у него ангельское терпение. Так же божественно, как покойный Егорушка врал, Заяц Петь может терпеть. Это главный талант моего мужа.

– Если меня упрячут в психушку, ты станешь богатым человеком. И сможешь жениться по любви.

– Но я уже женился по любви, – внимательно посмотрел на меня Петь. То, что он никогда не делает в этом случае паузу, меня не удивляет. Мы женаты пятнадцать лет, за пятнадцать лет и обезьяну можно научить чему угодно. Про паузы он знает, я ему говорила. Я ему много чего говорила, вот он и научился.

– Вот и хорошо. А то завтра у меня свидание, – весело сказала я.

– Свидание? – удивился Петь.

– Но ты же отказался со мной пойти.

– И ты нашла кого-то еще?!

– А что тебя удивляет?

– Ты же абсолютно не умеешь разговаривать с людьми. Не умеешь просить помощи. Словом, не умеешь общаться. Всякое общение тебе противопоказано. И ты кого-то нашла!

– Вообще-то он не хотел, – замялась я.

– Вот удивила! – рассмеялся Петь.

– И не факт, что придет.

– Ничего себе свидание! Обычно не приходят женщины.

– Ты же знаешь, что я случай из ряда вон.

– Да, – кивнул Петь, – ты уникальна... – на этот раз он сделал паузу. – Я передумал.

Пожалуй, я пойду с тобой.

– Ты с ума сошел?! – испугалась я. – Представь себе картину: он пришел! И ты пришел.

– Кто он? – требовательно спросил Петь.

– Он из милиции, – важно ответила я. – То есть, теперь уже из полиции.

– Ты обратилась в частное охранное агентство? Молодец, сообразила!

– Это не стоило мне ни копейки. Он вовсе не из агентства.

– Тогда откуда?

- Я же тебе сказала: из полиции.
 - Арина, ты меня пугаешь!
 - Не беспокойся, у него даже оружие есть.
 - О господи! – Петь взялся за сердце.
 - Все будет хорошо.
 - Очень сомневаюсь.
 - Ты не можешь пойти со мной. Ты уже отказался.
 - Позвони ему и отмени встречу.
 - Это невозможно, – торжественно сказала я.
 - Почему?
 - Невозможно, и все.
 - Я понял, – грустно улыбнулся Петь. Оказалось, он все-таки способен ревновать. Я слишком богата, чтобы меня отпустить на свидания.
 - Я приеду домой не позже полуночи, – успокоила я мужа. – Как и обещала.
 - Это-то меня и пугает.
 - Почему?
 - Когда ты куда-то опаздываешь, ты ведешь себя как сумасшедшая. Дай мне другое слово.
 - Какое?
 - Что позвонишь мне.
 - Конечно позвоню!
 - Ты будешь мне звонить каждый раз, как непредвиденные обстоятельства будут менять твои планы. Если ты вдруг поймешь, что не успеваешь домой к полуночи, ты мне звонишь. Договорились?
 - Да.
 - Нет, я все равно не успокоюсь. Он в порядке, этот мент?
 - В каком смысле?
 - Насколько у него крепкая нервная система?
 - Крепкая, – заверила я. – Он облил меня водой.
 - О господи! – повторил Петь. – Сидела бы ты дома. Дай мне телефон соседки, я сам с ней поговорю.
 - Ты не можешь подписать документы, потому что дача моя.
 - Мне давно надо было научиться подделывать твою подпись! – в отчаянии сказал Петь.
- Чем дольше я с ним разговаривала, тем больше у меня возникало сомнений. Он точно изменился, когда я стала богатой. Я еще не до конца поняла, в чем это выражается, но он ДРУГОЙ. Он теперь по-другому говорит, по-другому смотрит. Даже ходит, и то по-другому. Поэтому я резко замолчала и ушла в маленькую комнату. Вскоре туда пришел и Петь.
- Ты обиделась? – ласково спросил он и стал меня целовать.
- Я не обиделась, поэтому с удовольствием ему ответила. Мы любили друг друга, и нам было хорошо. Я совсем его не боялась.

Шли годы. А когда мастер понял, что натворили сделанные им куклы, он пришел в ужас. Люди охотно в них играли, оказалось, что зло их очень даже забавляет. Гораздо больше, чем добро. Добро было скучным, и, в отличие от зла, оно требовало постоянной работы души, а люди сделались ленивы. И помогли им в этом искусно сделанные мастером игрушки. Ведь он был по-настоящему талантлив. Глядя, как его талант помогает умножению зла на земле, кукольник решил все исправить. Он решил разорвать договор с дьяволом...

Свидание

Когда я сказала Петю, что иду на свидание, я сказала это без всякой задней мысли. То есть, это не могло считаться свиданием. Скорее деловая встреча. Я иду в метро подписать документы. Но ведь сопровождать меня будет мужчина! Следует ли любую поездку в сопровождении мужчины называть свиданием? Я крепко задумалась.

В любовных делах у меня мало опыта, хотя все и называют меня красавицей. Должно быть, все они врут. Лично я не вижу в зеркале ничего хорошего, когда по утрам чищу зубы. Выпученные глаза, перекошенный рот, подбородок и щеки в зубной пасте, я чищу зубы согласно инструкции, долго и тщательно, пока не закончится моя песня. Стоматологи рекомендуют включать любимую музыку и таким образом отслеживать положенное для чистки зубов время. Иначе во рту останутся бактерии. Я не люблю бактерий, потому что не совсем понимаю, что это такое, а все непонятное вызывает у меня страх, кроме того, я тщательно соблюдаю любые инструкции. Положено так положено. Пять минут, пока длится моя любимая песня, я наблюдаю в зеркале перепачканное зубной пастой чудовище.

Когда я была маленькой, мама называла меня не иначе как «зеленая крокодилица». Этим она намекала на то, что я страшенькая. Мне и самой не трудно было об этом догадаться, раз я жила рядом с такой красавицей. Стоило только подойти вместе с ней к зеркалу. Сразу становилось понятно: вот красавица, а вот чудовище. Мама в выражениях не стеснялась ни письменно, ни устно. Когда ей говорили:

– Какая у вас красивая дочка!

Она морщилась:

– Не надо меня утешать.

В общем, я выросла с мыслью о том, что я уродина. И продолжаю с этой мыслью жить. А мужчины... Мужчины любят красивых женщин. Я это знаю не только из фильмов и книг, но и из собственного опыта. У моей мамы всегда было огромное количество поклонников. Меня они щипали за щечку, говоря при этом:

– Как же ты похожа на маму.

Должно быть, в утешение. Хотя на папу я совсем не похожа.

Кроме Петя я ни с кем не ходила на свидания. Он у меня единственный. Был, есть и будет. Таких женщин, как я, на свете, наверное, больше нет. У каждой было хотя бы два мужчины. Первый и все остальные. У меня, можно сказать, ни одного. Я вроде как женщина, а вроде как и нет. Это трудно объяснить. Сексом за меня словно бы занимается кто-то другой, в такие моменты сознание мое отключается. Петь говорит, что у меня это здорово получается, заниматься сексом, но откуда ему знать, раз у него нет других женщин кроме меня? Или есть? Дальше я говорю себе: стоп! «Любовницы моего мужа» тема запретная. Он говорит, что их нет. И не делает паузы. А я вспоминаю обезьяну, которую за пятнадцать лет всему можно научить. Петь гораздо умнее обезьяны. Поэтому: стоп!

О сексе я думаю всегда. Мое тело готово к любви в любое время суток. У меня никогда не «болит голова», месячные я переношу легко, то есть практически не замечаю. Петь говорит, что моя половая конституция сродни мужской. Вечная готовность и ненасытная жадность. Наверное, если бы я так не боялась мужчин, то стала бы проституткой. Поэтому я никогда и не пыталась найти работу. Мое призвание мне понятно, так же как и невозможность его осуществить. Я предпочитаю смотреть на мужчин издали, а утешаюсь Петем.

И вот вам сюрприз: у меня свидание! Первая моя реакция была нормальной: что надеть? Одеваюсь я просто, что значит удобно. У меня нет туфель на высоченной шпильке, в которых ноги подгибаются. Видела я таких женщин! Идет крючком, точнее, не идет, а ковыляет, спотыкаясь при каждом шаге. Лично я удобство предпочитаю красоте. Поэтому у меня нет коротких

облегающих платьев, которые при ходьбе задираются чуть ли не до трусов. Нет шляп, которые может унести ветер. В тот единственный раз, когда я по просьбе мамы надела треклятую шляпу на ипподром, я так и просидела весь день, держась за ее поля. Так что мама раз десять спросила:

– Что с тобой?

– Ничего, – отвечала я, вымученно улыбаясь и не отрывая рук от шляпы.

Это был ужасный день! С тех пор я ненавижу скачки. Слова «лошадь» и «ипподром» вызывают у меня икоту. Я лучше умру.

Вечером я вручила маме шляпу со словами:

– Это было ужасно.

– А по-моему, тебе идет. Зря ты вышла за болвана Петухова, на тебя многие сегодня смотрели. Зачем было так спешить? Впрочем, я была такой же душой. Замуж, Аришка, надо выходить по расчету.

– Даже если у тебя много денег? А зачем?

– Затем, чтобы почувствовать себя женщиной, а не...

Мама не договорила. Это, видимо, была одна из ее фантазий, потому что она и во второй раз собралась замуж не по расчету, а по любви. Или по чему-то там, чего я не знаю. Расчета в Егоре не было никакого. Его глаза говорили сами за себя. Каждая женщина, которая в них смотрела, машинально лезла в карман за кошельком. Кроме меня, но я не женщина, я уже об этом упоминала.

Весь день мои мысли были заняты предстоящим свиданием, а к вечеру я решила, что это никакое не свидание, и оделась как обычно. В свитер и джинсы, а сверху накинула длинную норковую шубку с огромным шиншилловым воротником, поскольку собиралась ехать на общественном транспорте, а на улице было холодно. В самом деле, мне надо спуститься в метро, и не ехать же к метро на «Бентли»? Это показалось мне неприличным, и я даже не подумала о том, что должна вернуться домой к полуночи, иначе превращусь в тыкву. А ведь Петь меня предупреждал!

В общем, я с самого начала стала делать непростительные ошибки, что в итоге привело к катастрофе.

Все началось в маршрутке, где я поругалась с водителем. У меня талант портить отношения со всеми, кто попадается мне на пути, поэтому продавцы ближайших к моему дому магазинов ждут моего появления с ужасом. Я и сама иду туда, стора от стыда, но надо же мне что-то есть? Водитель маршрутки видел меня впервые в жизни, но от меня, кажется, идут флюиды агрессивности. Едва я открыла дверь, он заявил:

– Сдачи нет!

– Я еще даже кошелек не достала! – возмутилась я.

– Да у тебя на лице все написано! Меньше тыщи нет!

Я залилась краской. Сколько раз давала себе слово, что мелкие деньги всегда должны быть под рукой! Не надо было весь день думать о свидании! И что на него надеть! Надо было думать о деле!

– Езжай на такси! – сказал водитель.

– А я хочу на маршрутке!

Я сказала так вовсе не из вредности. Из всех мужчин на свете я больше всего боюсь таксистов, потому что среди них чаще всего встречаются маньяки. Так пишут в Инете. Я НИКОГДА. Слышите? Никогда не езжу на такси! А меня ведь сегодня ждут двое! Одна в метро, а другой у входа в это метро. Мне просто необходимо туда доехать!

Плюхнувшись на ближайшее свободное место, я достала из сумочки кошелек с тайной надеждой, что там завалилась хотя бы сотня. Увы!

– А кредитки вы не принимаете? – пискнула я.

– Она еще и издевается! – взвыл водитель. – А ну вылезай!

– Дайте сдачу! – не сдавалась я, суя ему тысячную купюру. Забыла сказать, что проезд стоил сорок рублей.

– Поедем мы, наконец, или нет?! – заорал кто-то.

– Я не поеду, пока мне не заплатят! – отрезал водитель.

– Я вам даю деньги!

– Это не деньги!

– Как так не деньги?

– Здесь не банк!

– А предъявите вашу лицензию?

– Что-о?!!!

Я подумала, что он меня сейчас убьет. А ведь я еще даже от дома не отъехала! Ничего себе, начинается мое свидание!

– Люди, давайте скинемся дамочке на проезд? – сказал какой-то парень, по виду студент. – Кто сколько может?

– Да, а то мы так никогда не поедем, – вздохнула сидящая рядом женщина.

Народ дружно полез в кошельки.

– Не надо! – запротестовала я. – Проще дать мне сдачу!

– Проще тебе морду набить, – буркнул кто-то в конце салона.

– О чем только люди думают? – раздался слева тихий вздох.

Мне стало так стыдно, что я на время онемела. Водитель, стиснув зубы, взял ссыпавшуюся в ладонь мелочь и со злостью надавил на газ. Маршрутка, дребезжа, понеслась к метро.

– Оставьте мне свои телефоны, я разменяю деньги и раздам вам всем долг, – сказала я на весь салон.

Кто-то фыркнул, а инициатор сбора денег в мою пользу откровенно заржал.

– Ну, нет у меня мелочи! – взмолилась я. – Что, никто из вас не попадал в такую ситуацию?

Салон молчал.

– Как будто я одна такая. Давайте я вам всем по тысяче раздам. У меня безвыходная ситуация, а мельче денег нет.

Салон молчал.

– Вы что, все немые? Не немые: я слышала. Вы просто жадные. Что, мало по тысяче? Давайте я раздам вам по две.

– Да замолчишь ты или нет? – не выдержал кто-то.

– Я, между прочим, приношу вам свои извинения. За ту неловкую ситуацию, в которую я попала.

Я в третий раз произнесла слово «ситуация», хоть и в сочетании с разными прилагательными, но моя мама-писательница, будь она жива, меня бы убила. Но меня заклинило на ней, на этой ситуации. Бац! Четвертый раз!

– Мне ужасно неловко. Из-за меня вы потеряли время и...

– О господи! – взвыли сзади. – Шеф! Притормози, я сойду!

– И в самом деле, погода хорошая, можно и прогуляться, – раздалось слева.

– До метро метров двести осталось.

– И пробка.

– Еще минут десять минимум в одной машине с этой... – простонал сидящий рядом с водителем мужчина.

– Погодите... Я вам всем должна, – я полезла в кошелек. – Сейчас я раздам вам деньги.

– А вдруг она мошенница? – спросил кто-то.

– Да нас, похоже, снимают скрытой камерой! – сказал студент.

– Точно! – подтвердили справа. – Дамочка с телевидения, там все такие дурные!

- Актриса, не иначе!
- То-то я думаю: где ж я ее видел?
- Эй, шеф, тормози!
- Правильно! Нечего вторгаться в нашу частную жизнь!
- А потом покажут в передаче «Розыгрыш»...
- В криминальных новостях...
- То-то она лицензию спросила...
- Я вовсе не с телевидения! – возмутилась я.
- Ага! Заливай!

Водитель ударил по тормозам. Бугай в кепке, сидевший ближе всех к выходу, дернул за ручку двери, которая с лязгом открылась.

- Вот ваша тысяча, – попыталась я сунуть ему в карман купюру.
- Да иди ты...

Он спрыгнул в грязный снег. Во все стороны полетели ошметки. За ним дружно посыпались остальные. Каждому я пыталась всучить деньги.

- Вот, возьмите...

Но никто почему-то не брал. Только студент, махнув на прощание рукой, и то не мне, а куда-то в сторону, сказал:

- Привет городу Барнаул! Ира, я тебя люблю!

И спрыгнул в снег. Я подумала, что все они сумасшедшие.

В конце концов мы с водителем остались в салоне одни. Он чего-то ждал. Я так и не поняла чего.

- Мы едем? – спросила я после долгой паузы. – Я опаздываю.

– Ну, ты и стерва! – сквозь зубы сказал он и надавил на газ с такой злостью, что я подумала, маршрутка пошла на взлет.

Мы, дребезжа, понеслись по обочине. Он наплевал на все правила дорожного движения и под угрозой лишиться лицензии поспешил от меня поскорее избавиться. Как я его понимала! Я и сама мечтаю от себя избавиться, но за последний год в нашей семье уже два трупа. Это похоже на эпидемию. И я изо всех сил борюсь с заразной болезнью.

Минут через пять водитель маршрутки так надавил на тормоз, что я чуть не ударилась лбом о стойку.

- Приехали! Вылезай!
- Спасибо.
- Чтоб тебя... – он грязно выругался.

Я решила не обращать на это внимание, потому что боялась опоздать. Надо спешить, день и так не задался. Хотела было оставить чаевые, раз никто не взял у меня злосчастную тысячную купюру, но побоялась. Мужчина и так не в себе. Сигарета в его руке дрожит. Нервничает, должно быть. Бедняга! Я поспешила к метро.

Павла Юрьевича на месте еще не было, но я этому только обрадовалась. Ненавижу, когда меня ждут. Лучше уж я подожду. Чтобы не попадать больше в такую нелепую ситуацию (вот заклинило!), я подошла к газетному киоску и разменяла деньги. А чтобы опять не кричали «здесь вам не банк», купила мамину книгу. Мне дали сдачу, но пришлось купить еще и мороженое, чтобы в кармане была мелочь. Я подошла к метро и тут заметила бугая в кепке, из моей маршрутки. Я метнула в урну мороженое и кинулась к нему. Он заорал дурным голосом, а я стала совать ему пять рублей мелочью:

- Вот, возьмите! Спасибо, что выручили!
- Да отстань ты от меня! – орал бугай.
- Нет, возьмите! И не думайте, что я плохая! Я разменяла деньги! Берите!
- Отцепись, сука!

Но я держалась за него крепко.

– О господи! – взвыл бугай. – Да что я тебе сделал?!

– Вы меня выручили, и я хочу отдать вам долг!

– Что ж ты меня позоришь? – он стал озираться по сторонам.

– Берите деньги!

Монеты, которые я пыталась сунуть ему в руку, упали на каменные плиты и, покатавшись, зазвенели. Краем глаза я заметила молочную кляксу возле урны. Я и в нее не попала! Ну что за день сегодня!

– Что здесь происходит? – услышала я знакомый голос.

Рядом стоял Павел Юрьевич.

– А вот и полиция! – искреннее обрадовалась я. Бугаю, кажется, стало плохо.

– Я ничего не делал! – завил я хвостиком он. – Не знаю, что этой психопатке от меня надо! И регистрация у меня есть! Просто я паспорт дома забыл!

– Какие-то проблемы? – рядом с нами остановились патрульные.

– Все в порядке, я из уголовного розыска, – Павел Юрьевич полез в карман за удостоверением. Патрульный вытянулся и отдал ему честь. – Сержант, займитесь этим, – Павел Юрьевич кивнул на бугая.

– Есть! Гражданин, ваши документы!

– Будь ты проклята, сука, – прошипел бугай.

– Не надо так вызывающе одеваться, – по-отечески заметил Павел Юрьевич, заводя меня в теплое, пахнущее машинным маслом метро.

– Вызывающе?!

– Красивая шубка, – вздохнул он. – И сразу видно, что дорогая. Понятно, воры думают, что у вас полно денег. Вы для них лакомый кусочек.

Я вновь залилась краской стыда. О боже! Он подумал, что бугай хотел меня обокрасть!

– А сколько у вас в сумочке, Ариадна Витальевна? Если не секрет, конечно?

– Тысяч пять, не больше.

– Рублей?

– Не долларов же!

– Да кто вас знает.

– Но у меня с собой на всякий случай кредитка. На ней да, много, – призналась я.

– Много это сколько?

– Несколько миллионов, – я не стала уточнять валюту.

– Ого! – присвистнул мент. – И зачем вы таскаете с собой так много денег?

– Я не таскаю. Это пластик. Мне просто не хочется оставлять его дома.

– У вас проблемы с мужем? Впрочем, о чем это я? Проще сказать, с кем у вас нет проблем! Я прав, Ариадна Витальевна?

– Не зовите меня так, – взмолилась я.

– А как?

– Просто Ариной. И можно на ты, – сказала я после небольшой паузы.

– Тогда и ты мне не выкай. Зови просто: Паша. Раз уж я взялся тебе помогать. – Он тяжело вздохнул.

Так в моей жизни появился Паша. И это уже было похоже на свидание.

– Я сейчас куплю талон на проезд, – я сделала движение по направлению к кассе, но Паша схватил меня за плечо:

– Стоять! Шагай, – он легонько подтолкнул меня в спину, обозначая направление: к турникету.

– Но у меня нет билета!

– Топай, я сказал.

Я в ужасе смотрела, как дородная женщина в форме с недоброй улыбкой на лице преградила мне путь:

– А льготы у вас есть? – ехидно спросила она, ощипывая взглядом мою шубку.

– Это со мной, – сурово сказал Паша, доставая из кармана корочки. Глаза у женщины округлились. Она непроизвольно сделала шаг в сторону.

– Особо опасная. Вперед! – Паша подтолкнул меня в спину, и я невольно проскочила турникет.

– Зачем ты так? – спросила я с обидой, когда мы спустились по ступенькам к поездам. – Она подумала, что я воровка! Или того хуже, убийца!

– И каково это? – подмигнул Паша.

Он нравился мне все больше и больше. Оказалось, у него есть чувство юмора!

– Это была шутка, да?

– Не только ты умеешь делать гадости. Ну, где твоя знакомая?

– Надо проехать три остановки.

– Надо так надо.

Мы зашли в вагон. На нас почему-то все смотрели.

– Садись, – кивнул он на свободное место.

Я отказалась, побоявшись нарваться на очередной скандал. Хотя опасность мне вроде бы не угрожала, но сидящая рядом пожилая женщина смотрела на меня недобро. Поэтому я спряталась за Пашу и замерла. Всего-то три остановки! И надо же! Обошлось! Со мной ничего больше не случилось! Никто не вцепился мне в волосы, не назвал стервой, а то и похуже. Я приписала это Паше, который с суровым видом стоял рядом. Я не ошиблась в своем выборе: с ним мне ничто не угрожало.

Оказавшись на месте, я почувствовала себя неуверенно. Память на лица у меня и в самом деле ужасная. И как я ее, интересно, узнаю, свою соседку по даче? Как она выглядит-то? Я ведь никогда не видела дачников в зимней одежде! А если у нее на голове шапка, считай, гиблое дело! Шапка до неузнаваемости меняет лицо! Меня охватила паника.

– С кем у тебя встреча-то? – спросил Паша.

– С моей соседкой по даче.

– А в чем, собственно, проблема? – удивился он.

– Я вовсе не уверена, что она моя соседка. Кажется, меня пытаются обокрасть, – сказала я, озираясь по сторонам.

– А ты одевайся скромнее.

На меня и в самом деле все смотрели. Шубка оказалась неудачной. Но мне ее купила мама, а она отличалась своеобразным вкусом. Мама обожала быть в центре внимания, ее наряды всегда были вызывающие. И, разумеется, дорогие. К сожалению, в моем гардеробе не оказалось вещей теплее этой шубы, а на улице стоял трескучий мороз. Но уж лучше бы я замерзла!

– Ариночка! – кинулась ко мне какая-то женщина. – Наконец-то! А я вас жду! Не сразу узнала, богатой будете, – льстиво сказала она.

– Это Павел Юрьевич, – указала я на своего спутника и сразу же выложила карты на стол: – Он из полиции.

Лицо женщины изменилось до неузнаваемости. Она как-то сразу съежилась и поскучнела.

– Давайте ваши документы, – сказала я.

– Да-да, конечно, – она суетливо полезла в сумочку.

– Присядем? – Паша указал на свободную скамейку.

Женщина неверной походкой двинулась в указанном направлении. Я, на ходу читая бумаги, следом.

– Я хороший знакомый Арины, – сказал Паша, сев рядом с дрожащей от страха женщиной. – А работаю в ми... тьфу ты! В полиции. Ваш заповедный дачный поселок, кстати, находится на моей территории.

Как хорошо, что он это сказал! У нее, похоже, язык отнялся. Моя соседка по даче, или кто она там, сидела ни жива, ни мертва, пока я изучала документы. Это был текст заявления. Прошло минут пять.

– Да напишите что хотите, Арина Витальевна! – не выдержала женщина. – Не обязательно указывать все как есть!

– Тогда это будет подлог, – сурово сказала я, отметив Арину. Если бы она знала мою мать, она бы знала, что я Ариадна.

Паша молчал. Наконец, я достала из сумочки блокнот и ручку. Разумеется, я не привезла с собой документы, просто списала номер свидетельства, но поскольку женщина была напугана, она никаких подлинников у меня и не спросила. Я неторопливо стала заполнять бланк.

– Давно вы купили дачу? – спросил меж тем Паша.

– Лет пять назад, – пролепетала моя соседка. Или все-таки мошенница?

– Что же вы ее только теперь оформляете в собственность? – нажал Паша.

– Так получилось...

– Или вы ее не покупали?

– Послушайте... – губы у нее задрожали. – Если бы я знала, что Арина Витальевна придет с полицией...

– Я просто ее знакомый.

– Я ни в чем не виновата!

– А я вас и не обвиняю!

– У меня не поэтому возникли проблемы с оформлением!

– Все-таки есть проблемы?

– Я... Мне... Я работаю и... Эти сведения попросил у меня риэлтор... – начала оправдываться женщина.

– Как зовут вашего риэлтора?

– Господи, да какая разница!

– Эти сведения уйдут в риэлторскую фирму, и как они с ними поступят – неизвестно. Скорее всего, создают базу.

– Какую базу?!

– Вы и в самом деле ничего не понимаете или прикидываетесь? – прищурился Паша.

– Вот. Я расписалась. Возьмите, – я протянула женщине заявление.

– Ну и хватка у вас, Арина Витальевна, – поежилась она. – А ведь я бы могла рассказать полиции кое-что интересное про вашу мать и... – она покосилась на Пашу. – Но раз у вас все схвачено...

– Советую не лезть в мою жизнь, – предупредила я, имея в виду, что обобрать меня не получится. Во всяком случае, это не будет так легко, как они думали. – Иначе вам будет плохо.

Эта детская фраза ее почему-то напугала. Она схватила протянутые мной бумаги и кинулась к дверям только что подъехавшего вагона. Мы с Пашей и опомниться не успели, как женщины и след простыл.

– Ты заметил, как она нервничала? – спросила я.

– Ее трясло, как осиновый лист, – согласился он. – Видать, дело нечисто. Зачем ты расписалась в заявлении?

– Я указала неверный номер свидетельства. Изменила одну из цифр. И потом: я ее предупредила. У меня есть ты.

– Черные риэлторы имеют такую крышу, что я для них – мелкая сошка, – усмехнулся Паша. – Впрочем, все это лишь твои фантазии.

– Сколько я тебе должна? – краснея спросила я.

– Ну вот, опять, – поморщился он. – Я же тебе сказал, Петухова: взятки не беру.

– Врешь. Ты просто меня боишься.

– Это ты в точку попала. Каждый шаг рядом с тобой – все равно что по минному полю. Ладно, накорми меня ужином, раз я на тебя потратил вечер. Жена меня все равно так рано не ждет.

– Так ты женат?!

– А что тебя удивляет? Сама-то ты замужем.

Значит, это не свидание. Я была слегка разочарована, но потом подумала: зато у Петя нет повода для ревности.

– Где бы ты хотел поужинать?

– Ты наверняка знаешь какое-нибудь пафосное местечко. Веди!

Пафосных местечек я знала много, но кормили в них в основном пафосом, и стоило это немалых денег. Что касается кухни, сколько я ни ходила со своей гламурной мамой по дорогим ресторанам, ни один из них меня не впечатлил. Вру, был один, в Италии, но это дело другое, это Европа. В Москве не впечатлил, а мы сейчас были именно в Москве.

– Что, сомневаешься, пройду ли я фейс-контроль? – усмехнулся Паша, поняв мой взгляд по-своему.

– Твое удостоверение его уж точно пройдет, – пожала плечами я. – Дело не в этом. Тебя накормить или ты хочешь потусоваться?

– Я жрать хочу, – нахмурился Паша.

Я откровенно обрадовалась. С тусовкой у меня не сложилось, сколько мама ни билась. Хотя, чтобы ей угодить, я пыталась делать паузы, но получалось только хуже. Высший московский свет меня так и не принял, я за какой-то год успела перессориться со всеми. Зато я знала одно совсем не пафосное местечко, с потрясающей кухней. Там так готовили утку по пекински, что я вылезала из-за стола, мало чего соображая, совсем осоловевшая. Но удержаться было невозможно.

– А почему ты не на машине? – сообразила я, когда вагон сильно качнуло. Мне пришлось вцепиться в Пашу.

– Думал прокатиться на твоей крутой тачке, – усмехнулся он.

– У нее лобовое разбито.

– Надо предупреждать о таких вещах. Хорошо, поймаем такси.

– От метро идти две минуты.

– Значит, не будем ловить такси.

Я уже начинала к нему привыкать. И он ко мне, кажется, тоже. Но что будет во время ужина? Вряд ли он закажет воду. А пятна от вина плохо отстирываются. Но ведь есть еще и пиво, которое мужчины очень любят. Тут я вовремя вспомнила, что одна моя знакомая накручивает на бигуди волосы, смочив их предварительно пивом. И довольна результатом. Если мы с Пашей опять повздорим, я попрошу у официантки бигуди.

– Приехали! – объявила я без особой радости. Мои странные просьбы уже не раз ставили официантов в тупик, не обойдется и сейчас. Что за ужасный день!

Было скользко, и мне пришлось прижаться к Паше, пока мы шли от метро к дверям моего любимого ресторанчика. Московские улицы находились в состоянии послепраздничного похмелья: постельное белье, то есть устилающий их снег, было помятое и затоптанное, все в подозрительных пятнах, мишура на елках оборвана, огни словно потускнели, а в воздухе откровенно пахло скукой. Такие же лица были у людей. Затоптанные.

В ресторане я первым делом узнала, что Паша курит. Возможно, он делал это и раньше в моем присутствии, но заметила я сигареты только сейчас, когда стала обращаться к нему просто «Паша» и на ты. На входе мой спутник сказал:

– Зал для курящих.

И нам тут же указали на лестницу. Зал для курящих был в полуподвале.

Не скажу, что мне это не понравилось, просто я привыкла к тому, что Петь не курит. Мой отец тоже не курил. Курила мать, но, когда сошлась с Егором, попыталась бросить. Когда Паша достал сигареты, я почему-то вспомнила их, маму и Егора. Может, потому, что оба были мертвы, а рядом сидел мент?

– А дети у тебя есть? – спросила я, открывая меню.

– Да, – кивнул Паша. – Двое.

– А мы решили пожить для себя.

– У тебя получается. Не знаю, как у твоего мужа. Что посоветуешь? – он кивнул на меню.

– Утку по-пекински. Только я закажу половину, целую нам не осилить. И предупреждаю: это готовится долго.

– А мы никуда не торопимся, – он глубоко затынулся.

Подошла официантка, которая хорошо меня знала: я всегда оставляла щедрые чаевые. Ее круглое лицо с раскосыми глазами расцвело испуганной улыбкой. Я попыталась вспомнить, чем закончился мой последний визит? Но Паша меня отвлек.

– Пить будешь? – спросил он. – Мне пива.

Я откровенно обрадовалась. Этот вариант продуман. И сказала уже без опаски:

– Бокал вина.

– Как обычно, красное сухое? – вздрогнула девушка.

– Да. И чай. Зеленый, с жасмином.

Она кивнула и исчезла.

– Ну а теперь расскажи: что с тобой случилось? – сказал Паша, пододвигая к себе пепельницу.

Я растерялась.

– Ничего не случилось.

– Да? А ты знаешь, что за тобой следят?

– Следят?!

– А ты разве ничего не заметила?

– Нет, – я растерялась еще больше.

– А я хотел спросить, давно ли тебя пасут?

– Значит, камень в лобовое, повторное запрашивание пароля и эта женщина с поддельными документами... Все это, выходит, не случайные совпадения?

– Выводы делать рано, – он затушил сигарету. К нам шла официантка с подносом.

– А кто следит?

На столе появился чайник и два бокала: один с вином, другой с пивом. А девушка тут же исчезла. Кажется, общение со мной ее тяготило, она ни секунды лишней не хотела его продлить.

– Какой-то мужик, – внимательно посмотрел на меня Паша. – Среднего роста, нормального телосложения, одет...

– Не надо, – взмолилась я. – Мне уже страшно.

– Значит, все началось, когда ты получила наследство?

– Да.

– И с тех пор с тобой начали происходить странные вещи?

– Да.

– А большое наследство?

Я молчала.

– Постой... При первой нашей встрече ты сказала: у моей мамы на счетах миллионы. Это правда?

– Да.

– Рублей или...?

– Да.

– А других наследников, как я понял, у нее не было.

– Да.

Мне было так плохо, что я ничего не могла сказать кроме этого тупого «да».

– Серьезное дело, – сказал он, придвинув к себе кружку с пивом. – Ну а тебе кто наследует?

– Я никогда об этом не думала.

– А надо, – сердито сказал он и сделал большой глоток. – Время нынче такое... Неспкойное, в общем. Люди словно помешались на деньгах. Ради денег они готовы на все. Ум, честь, совесть... Любовь... Все продается. Вопрос в цене, – внимательно посмотрел на меня Паша. Мне даже показалось, что это допрос, а не дружеский ужин.

– Я стараюсь ни с кем не общаться, – пролепетала я.

– Наследство твоей мамы – жирный кусок. Вопрос, кому достанется?

– Как так: кому? Оно уже досталось мне!

– Но кому-то это, похоже, не нравится. Так что напряги мозги. Родственники у тебя есть?

– У меня есть муж. И... папа. У папы недавно родился сын.

– Жена?

– Не работает. Ей нужен пластический хирург, – зачем-то сказала я. – Она очень некрасивая.

– После твоей преждевременной кончины они поделят наследство поровну. Отец и муж. Но в таких случаях людям договориться сложно.

– В каких?

– Когда дело касается дележа добычи, – пояснил Паша, прихлебывая пиво. – Даже если сначала преступники действуют заодно, потом, когда дело сделано, начинается грызня. У денег есть одно свойство: их никогда не бывает много. Есть еще одно: не понятно, куда они деваются. Но второе вытекает из первого, поэтому первое главнее. Их никогда не бывает много, – повторил Паша.

Принесли закуску, но у меня пропал аппетит.

– Да, попала ты, Петухова.

– Но неужели ты мне не поможешь?

– А я здесь с какого боку?

– Я тебе заплачу.

– Ну вот, опять, – поморщился он.

– Постой... У меня мозги набекрень...

– Ты это серьезно?

– А что?

– Да ты постоянно в таком виде. Остается только удивляться, что тебя до сих пор не облапошили. Но у тебя, кажется, есть муж. Вот кому повезло, – Паша вздохнул.

– Мне как-то нехорошо, – я судорожно отхлебнула из бокала с вином. – Некомфортно.

– Что, умирать страшно? А ты подстрахуйся, – усмехнулся Паша. – Оставь у нотариуса документ. В случае моей смерти, мол, прошу винить того-то и того-то. А вообще, гиблое твое дело, Петухова.

Он злорадно улыбнулся. Или мне так показалось? «Спокойно, – сказала я себе. – Это дешевая месть. Я же накатала на него телегу. За что его чуть с работы не поперли». Я думала вульгарно, с применением жаргонных словечек, но ведь мои мысли никто не мог подслушать. Люди еще и не то думают.

И потом: охотнее всего они, то есть люди, осуждают пороки, которым подвержены сами, это азбука. Паша не случайно заговорил о деньгах. И как он это говорил! Смакуя каждое слово! «Все продается... Денег никогда не бывает много...» Похоже, вот оно, его больное место! Деньги!

Как только я чего-то не понимаю, начинаю паниковать. Это как с бактериями: я не понимаю науку биологию. Но против бактерий есть оружие: надо тщательно мыть руки и чистить зубы. Против шайки мошенников, которые пока такие же невидимые и непонятные для меня, как и бактерии, тоже есть оружие: надо напустить на них Пашу. Потому что Паша теперь понятен: ему нужны деньги. Явлением, которое понятно, легко управлять. Я тотчас успокоилась.

– Я живучая, – сверкнула я улыбкой. – И... спасибо, что предупредил. Очень полезная встреча.

– Не за что, – он достал из пачки еще одну сигарету и откинулся на спинку стула. Этот раунд был в мою пользу, я это поняла. Напугать меня не удалось.

И тут я сообразила взглянуть на часы. Утка по-пекински готовится долго. Меж тем скоро десять! У меня остается каких-то два часа! Звонить или не звонить Петю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.